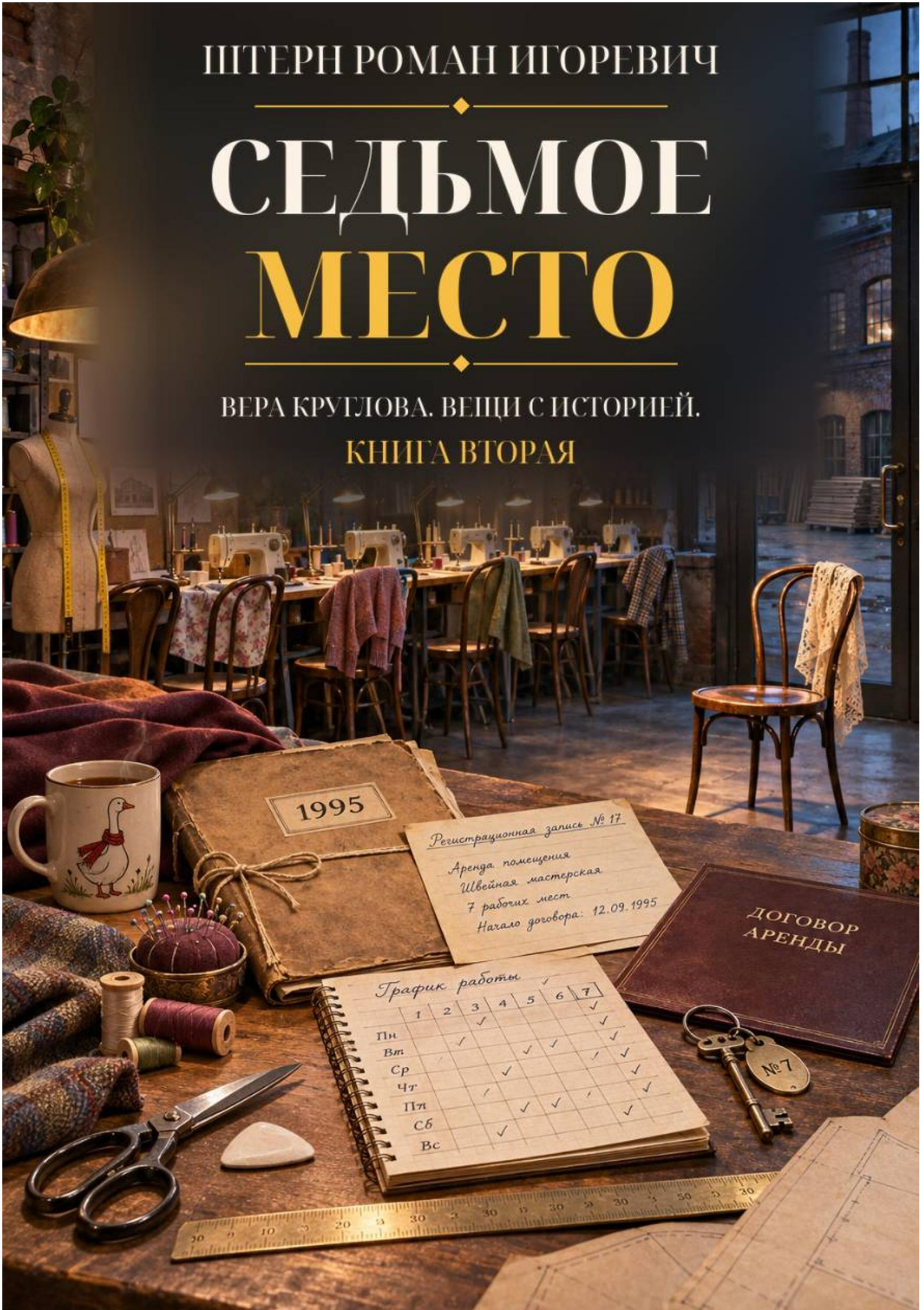
ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ

СЕДЬМОЕ МЕСТО

ВЕРА КРУГЛОВА. ВЕЩИ С ИСТОРИЕЙ.

КНИГА ВТОРАЯ

Роман Штерн

Седьмое место

«Автор»
2026

Штерн Р. И.

Седьмое место / Р. И. Штерн — «Автор», 2026

В швейной мастерской «Мерка» семь учеников — и один пустой стул. Раиса Левина не приходит на сверку после общего заказа, её телефон выключен. Вскоре выясняется: женщина жива и уехала добровольно. Но кто получил последние 57 тысяч рублей и куда делись сорок якобы возвращённых комплектов? Чтобы разобраться, Вере Кругловой придётся проверить путь каждой партии — и не позволить превратить чужой отъезд в доказательство вины. Уютный детектив о цене труда, доверии и праве на отдельную жизнь.

© Штерн Р. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Комната по часам 6
Глава 2. Платье для другого дня 14
Глава 3. Не пришла 22
Глава 4. Аванс целиком 30
Глава 5. Что значит — не могла 38
Глава 6. Не наше дело вместо вас 45
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Роман Штерн
Седьмое место

От автора

Выбор книги — небольшой частный поступок, о котором обычно никому не нужно отчитываться. Для автора, однако, за ним стоит вполне определённый человек, решивший уделить его словам часть своего дня. Благодарю Вас за то, что Ваш выбор остановился на этой книге, за внимание и за доверие, которым Вы предваряете знакомство с ней. Я принимаю это без громких обещаний, но с ясным пониманием, что Ваше время заслуживает уважения. Надеюсь, закрыв последнюю страницу, Вы будете рады своему решению.

Глава 1. Комната по часам

Без минуты пять Вера Круглова стояла перед дверью собственной мастерской и ждала, когда из неё вынесут чужое дерево.

Дерево было свадебное: белый ствол из трубы, ветки с бумажными цветами и тяжёлое основание, обёрнутое мешковиной. Цветы проходили в дверь по одному, цеплялись за косяк и возвращались обратно. Женщина, арендовавшая комнату перед Верой, придерживала верхушку и приговаривала своему помощнику:

— Наклони. Нет, не туда. Ты же видишь, оно ломается.

Вера видела, что ломалось не дерево. Под ножкой раскройного стола застрял край мешковины, и помощник тянул вместе с основанием стол.

— Сначала освободите снизу, — сказала она.

Молодой человек присел, выдернул ткань. Дерево качнулось, выпустило из двери одну ветку и наконец оказалось в коридоре.

На столе остались проволока, обрезки бумаги и открытая коробка клеевых стержней.

— Мы сейчас, — сказала женщина. — Нам ещё минут десять.

— У вас время до пяти. Сейчас пять.

— Вера Андреевна, ну не из-за десяти же минут.

Вера поставила сумку с инструментами на подоконник. Ручка успела вдавиться в ладонь; хотелось войти, самой смахнуть обрезки, передвинуть коробку и начать раскладывать своё. Это заняло бы меньше времени, чем разговор.

— У меня через полчаса люди. Эти полчаса оплачены для подготовки. Стол нужен сейчас.

Женщина вздохнула, словно Вера придумала почасовую аренду специально против свадебного оформления, но коробку закрыла. Помощник принёс щётку.

Вера не взяла её у него.

Пока они убирали, она открыла рабочую тетрадь и написала дату: «2 июня 2026». Рядом — часы комнаты и время выдачи ключа. За окном, во дворе бывшего швейного корпуса, разгружали листы фанеры. Двое мужчин переносили их боком, и на мгновение в комнате становилось темно, будто снаружи закрывали большие деревянные ставни.

От площади Вера дошла сюда за двенадцать минут. Теперь не требовалось приходить к половине восьмого, проверять гардероб, искать того, кто вчера унёс тряпку, и ждать, пока собственная работа начнётся после всех чужих. В пятьдесят девять лет она училась довольно странной вещи: входить в помещение ровно тогда, когда имела право им пользоваться.

Право было записано в договоре и стоило денег, даже если дерево не успевали вынести.

К пяти минутам шестого стол освободили. Вера осмотрела его наискось против света: клея не осталось. Она сняла с подоконника сумку, достала ножницы в чехле, длинную линейку, коробку с мелом и бумажный пакет с макетом рукава.

В комнате были два сдвинутых стола, зеркало на колёсах и узкий запирающийся шкаф, который Вера купила по объявлению у закрывшегося ателье. Задняя стенка шкафа отошла ещё при перевозке; Вера укрепила её сама, не дожидаясь, пока кто-нибудь предложит сделать бесплатно. На верхней полке лежали её ткани, ниже — подписанные пакеты участников. Чужие материалы занимали только согласованную часть.

Ни машины, ни шкафы из «Речника» сюда не переехали. После первого курса Вера сдала по описи всё, что принадлежало ДК, получила окончательный расчёт и вернула ключ. Название «Мерка» уместилось на листе бумаги, а всё остальное пришлось искать, покупать и считать заново.

С весны у неё были свои договоры с участниками, оформленные платные занятия и приложение в телефоне для чеков. Доход пока получался меньше прежней зарплаты. Из денег, оставшихся после сокращения, она позволила себе шкаф, лампу и хороший утюг; вторую машину решила не покупать. На занятиях чередовали работу у её машины с раскроем и ручными операциями. Это требовало больше подготовки, зато не съедало запас, из которого ещё предстояло жить.

Первой пришла Валентина. За ней Инна Серова несла плоскую коробку, прижатую к груди.

— Мы опять вместе, — сообщила Валентина. — У неё нитки, у меня ноги.

— У меня тоже ноги, — сказала Инна. — Только коробка без ручек.

Они поставили её на свой конец стола. Валентина сразу достала общую игольницу, Инна — очки и собственные ножницы, которые никому не давала, кроме Валентины, и то с напоминанием, что ими нельзя резать бумагу.

— А назад в Дом культуры нас не позовут? — спросила Валентина. — Там, говорят, электрику закончили.

— Часть работ закончили. Всё здание от этого не открылось.

— Я не про зал. Комната-то наша стояла бы.

— Она не наша. Первый договор закончился, со мной рассчитались. Теперь у них своё расписание в безопасном крыле, у нас — своё здесь.

— Я просто спросила.

— Я просто ответила.

Валентина посмотрела на неё и усмехнулась:

— Всё. Снято с обсуждения.

Это не было снято с обсуждения навсегда. Вера уже знала Валентину: к удобному прошлому та могла возвращаться несколько раз, пока оно не начинало казаться разумным будущим.

Артём Беляев вошёл с чехлом, в котором принёс свой пробный жакет. Он отодвинул стул, проверил, не перекрывает ли проход, и поставил рюкзак под стол, лямками к стене. Зоя Дёмина пришла почти одновременно с ним и первым делом спросила, успеют ли закончить учебную часть к семи.

— Успеем, если начнём вовремя, — сказала Вера.

— Тогда я телефон убираю. Только если из магазина позвонят — отвечу.

Галина Тихонова просунула библиотечную сумку под стул. Из сумки торчал угол книги, обёрнутой газетой.

— Это не для нас? — спросила Инна.

— Нет, читательнице обещала занести. Тяжёлую ей не дотащить.

— Ты хоть здесь не работай.

— Здесь я как раз и не работаю. Здесь у меня рукав не получается.

Раиса Левина села ближе к окну. Людмила Костина выбрала место у шкафа. Между ними поместились Галина, Артём и весь свободный участок для раскладки.

Вера не стала предлагать Раисе пересесть к Людмиле, хотя свет там был ровнее. Она знала, что дело не в свете. После закрытия участка временную работу, обещанную Раисе, получила Людмила; тридцать лет не сделали эту историю приятнее для обеих. Здесь они здоровались, передавали линейку и не путали рабочую необходимость с примирением.

Все семь стульев оказались заняты. Восьмой Вера оставила у стены, для примерки.

***

Артём надел пробный жакет поверх футболки и вытянул руки вперёд.

Спинка натянулась, низ пополз вверх. У воротника образовался пузырь.

— Вот, — сказал он. — Я же говорил: надо добавить.

— Куда?

— Сюда. — Он показал под мышкой. — Опустить вырез. Будет просторнее.

— В покое — возможно. А двигаться?

— Тоже должно быть проще.

Вера попросила его не опускать руки и подхватила ткань у плеча.

— Посмотрите, сколько лишнего здесь собирается. Если просто опустить пройму, при подъёме руки вы ещё раньше начнёте тащить за собой весь жакет.

— Но я не собираюсь ходить вот так.

— А как собираетесь?

Артём оглядел стол, выбрал Иннину коробку и попросил разрешения её взять. Потом присел, подхватил коробку снизу и прижал к груди.

— Вот так. Ребёнка поднять. Или коляску из подъезда вынести. Мне не надо, чтобы на вешалке было красиво, а потом руками только по швам.

Раньше он начинал такие объяснения со слов «я, наверное, глупость скажу». Теперь глупость даже не упоминалась.

Вера обошла его сбоку.

— Это другой разговор. Поставьте пока. Мы посмотрим, что тянет первым.

— Рукав, — сказала Людмила.

— И спинка, — добавил Артём. — Я чувствую.

— Чувствуете правильно. Только прибавка по всей спинке даст вам лишнее и там, где оно не нужно.

Вера помогла ему снять макет. Рукав был вмётан крупными стежками — для таких проверок. Она распорола часть шва, закрепила булавками новое положение и велела надеть снова.

Раиса, до того молча наблюдавшая, тронула пузырь у воротника:

— А вот это у нас что было? Запасная шея?

Инна засмеялась первой. Галина посмотрела на свой рукав с тревогой.

— У меня, кажется, такая же.

— У тебя там целая выездная шея, — сказала Раиса. — С возможностью размещения.

— Название запомнили, — сказала Вера. — Теперь запомним причину. Ткань собралась не потому, что Артём неправильно стоит. Мы дали ей лишнее в одном месте и не дали нужного в другом.

Артём опять взял коробку. Теперь жакет поднялся меньше, но поперёк спины ещё тянуло.

— Лучше, — признал он. — Но не всё.

— И не должно было исправиться за один раз. Снимайте. Отметим, что изменили, иначе через десять минут начнём хвалить не ту поправку.

Они работали по очереди. Галина записывала порядок проверки, Зоя прикладывала линейку к своей выкройке и время от времени поглядывала на часы. Валентина хотела сразу закрепить найденный вариант окончательно, но Инна придержала её руку:

— Подожди. Мы ещё не знаем, куда она дальше велит.

— Я не велю, — сказала Вера. — Я предлагаю проверить.

— Это у вас так называется.

Вера услышала в голосе Валентины не упрёк, а привычное признание её главной у стола. Оно было приятно. В этом и заключалась опасность: приятное легче принять без проверки.

Она дала Артёму лист для поправок, посмотрела, как он уверенно чертит новую линию, и вдруг поймала себя на том, что мысленно уже отвела каждому место на осень. Галине — у лампы, потому что ей трудно видеть тёмную нитку. Зое — с края, чтобы уходить на смену, не тревожа остальных. Артёму — там, где можно разложить крупные детали.

Никто не обещал ей осень. Пока были оплачены нынешние занятия.

Вера отвернулась к шкафу за мелом.

В перерыв Раиса вынула из отдельного полотняного мешочка керамическую кружку. Кружка изображала сердитого гуся в сапогах. Один сапог служил ручкой, второй был нарисован сбоку и по неизвестной причине стоял на голове маленькой лягушки.

— Я всё время забываю спросить, — сказал Артём. — Из неё удобно пить?

— Совершенно неудобно, — ответила Раиса. — Зато она мне нравится.

— У гуся лицо Виктора, когда я опаздывала на смену, — заметила Людмила и тут же поправилась: — Мастера нашего. Не твоего.

— У нашего мастера сапоги были хуже, — сказала Раиса.

На этом общий разговор закончился. Ни одна не стала развивать неожиданно найденное согласие.

Чайник стоял на маленькой тумбе у двери. Пить за раскройным столом Вера не разрешала, поэтому семь человек устроились вдоль окна и у шкафа, держа кружки в руках. Зоя ела принесённый сыр между двумя тонкими ломтями хлеба. Инна развернула салфетку с печеньем, предложила всем и спокойно приняла три отказа.

— У нас в субботу опять танцы в парке, — сказала Раиса. — Если дождя не будет.

— Ты пойдёшь? — спросила Галина.

— Собираюсь.

— Там музыка громкая.

— Потому и собираюсь. Дома у меня тихой достаточно.

Она сказала это легко, без приглашения расспрашивать, и занялась гусем: чай скопился в неудобном углублении у клюва.

Галина подошла к Вере, когда остальные спорили, стоит ли брать в парк складной зонт или он только мешает.

— Я видела Тамару Львовну. По вашему запросу пока проверяют условия доступа. Она просила не думать, что забыли.

— Я и не думаю.

— Сроков мне не называла. И самих материалов я не видела, если что. Я ведь на абонементе, не в том фонде.

— Понимаю, Галя. Спасибо, что сказала.

Запрос о документах 1995 года Вера подала ещё зимой, задолго до заказа столового белья. Номер регистрации лежал дома рядом с копией старого акта. Она не открывала эту папку перед каждым сном, но знала, где та находится.

— Если будет ответ, вам позвонят, — добавила Галина.

— Хорошо.

Вера взяла у неё пустую чашку и поставила на поднос. Больше они об этом не говорили.

***

Жанна Селиванова пришла к концу перерыва, придерживая плечом сложенную картонную коробку. В другой руке у неё была сумка с бумагой и двумя тканевыми мешками.

— Не бросайтесь помогать все сразу, — сказала она из-за картона. — Лучше дверь придержите.

Артём подхватил коробку, Зоя убрала свой рюкзак с прохода. Жанна сразу увидела свободный стул, положила на него сумку и спросила, можно ли поставить коробку к стене. Вера разрешила.

Жанна не была участницей «Мерки». Она работала администратором-приёмщицей в магазине домашнего текстиля «Тихий дом» и за несколько майских недель успела стать человеком, чьё появление избавляло остальных от поездки, очереди или неудобного звонка. Она привозила упаковку, помнила, когда у Зои смена, и могла забрать готовое после занятия, а не требовать явиться в магазин к двум часам дня.

— Раиса Михайловна, завтра как договаривались? — спросила она.

— Если здесь с часами подтвердим. Я потому и просила прийти сегодня.

Вера закрыла чайник и достала тетрадь.

— Давайте сейчас. Потом продолжим занятие.

Раиса вынула из папки договор и несколько листов. Она подавала их не торопясь, проверяя, какой нужен. С заказами Раиса работала не впервые: ещё в 2024 году зарегистрировалась как индивидуальный предприниматель, шила небольшие партии, привыкла хранить документы отдельно от выкроек. Но шестьдесят одинаковых комплектов за короткий срок одной брать не захотела.

— Вот наш с Аллой, — сказала она. — От шестого мая. И спецификация. Вы хотели посмотреть объём хранения.

Вера положила лист перед собой.

Магазин «Тихий дом», владелица Алла Нечаева. Исполнитель — Раиса Михайловна Левина. Шестьдесят столовых комплектов, в каждом дорожка на стол и четыре салфетки. Три партии по двадцать. Цена с материалами — сто восемьдесят тысяч рублей.

Ниже были сроки, размеры и требования к обработке.

— Нам завтра нужно место для двадцати, — сказала Раиса. — Не для всех шестидесяти. Первые ушли двадцать пятого мая.

— Я помню. Сколько останется до последней сдачи?

— Только то, что ещё в работе. Готовое в мешки, остальное по нашим пакетам. Я составила список.

Она развернула лист с шестью строками.

Валентина наклонилась через Иннино плечо:

— У меня всё подписано. Десять, как брала.

— У всех по десять, — сказала Раиса. — Твои, Иннины, Зоины, Артёма, Людмилы и мои.

Галина подняла руку с печеньем:

— А мои рукава туда не входят.

— Твои рукава вообще пока никуда не входят, — сказала Вера. — Даже в пройму.

Галина засмеялась, и напряжение, возникшее при появлении договора, немного спало.

В коммерческой работе она не участвовала. Остальные заключили с Раисой отдельные договоры на свои десятки; форму расчётов и документы проверили до начала шитья. Вера тогда настояла, чтобы вопросы оформления решили не по совету «все так делают», и больше не вмешивалась в их заработок. Её собственный договор касался занятий и хранения. Аванс от магазина поступал Раисе, не ей.

— Завтра я заберу всю вторую партию, — сказала Жанна. — Вам не надо будет шесть раз приезжать в магазин и ловить меня между доставками. Последнюю тоже здесь получу, если Вера Андреевна разрешит.

— В согласованное время, — сказала Вера. — Кто подписывает получение?

— Я.

Жанна открыла папку. В прозрачном кармане лежало письменное полномочие от магазина на приёмку изделий. Она вынула лист и подала Вере.

— Здесь всё есть. Алла Игоревна подписала, какие партии я принимаю. Экземпляр Раисе оставила ещё в мае.

Вера прочла. Затем Раиса положила рядом второй документ — собственное поручение Жанне получать от магазина предусмотренные окончательные выплаты для передачи ей.

— Это отдельно, — сказала Раиса. — Чтобы не ездить каждый раз за расчётом.

— А за организацию кто вам платит? — спросила Вера у Жанны.

— Магазин. У меня с Аллой своя договорённость. Из их денег за шитьё я ничего не вычитаю.

— Хорошо.

— Уже один раз всё нормально передали, — заметила Валентина. — Чего заново-то?

— Я уточняю не прошлую передачу. Я записываю, что завтра будет происходить здесь.

Вера вернула документы владельцам. На её листе было меньше слов: доступ в комнату, часы, место хранения и ответственный за получение.

— Раиса, я не принимаю готовые комплекты от исполнителей вместо тебя. Не выдаю их магазину от своего имени. Не отвечаю за оплату заказа.

— Конечно.

— И поручителем не выступаю.

Валентина отвела глаза к окну.

— Да кто тебя просит поручаться? Мы же просто здесь шьём.

— Поэтому и записываю: занятия и хранение. За них я отвечаю.

Раиса прочла короткое дополнение, вписала время и расписалась.

— Вера правильно говорит. Заказ мой. Если у меня к Инне вопрос по её десятке, я с Инной и разбираюсь.

Инна кивнула, но сразу уточнила:

— Только если вопрос действительно по моей.

— По твоей, — согласилась Раиса.

Жанна достала телефон.

— Тогда завтра прихожу к началу вашего дополнительного часа. Считаем, оформляем, я забираю. Если задержусь на дороге, звоню заранее. Но вы мне тоже напишите, если не успеваете. А то машина будет ждать, и за ожидание мне Алла не спасибо скажет.

Вера оценила это предупреждение. Удобство Жанны состояло не в том, что она обещала всё устроить без затрат. Она обычно знала, где затрата возникнет, и говорила о ней прежде, чем кто-нибудь успевал обидеться.

— По последней партии седьмого числа тоже время внесём, — сказала Раиса. — Чтобы не на бегу.

Вера перелистнула тетрадь. Дополнительное использование комнаты было согласовано с владельцем, но она ещё раз сверила часы с подтверждением в телефоне. Оплачивалось оно отдельно от учебных занятий; плата за хранение тоже не пряталась в чужой будущий заработок.

Валентина ждала, постукивая пальцем по столу. Ей хотелось вернуться к ткани. Вера понимала её нетерпение: здесь были ясные края, которые можно выровнять, а в бумагах приходилось долго устанавливать, кто именно держит ножницы.

Наконец время совпало. Вера внесла запись, дала прочесть Раисе и убрала тетрадь.

— Всё. Теперь покажите мешки.

***

Жанна вытряхнула их из сумки. Два многоразовых мешка из плотной светлой ткани, с широкими ручками и завязками, легли на стол плоскими прямоугольниками.

— В каждый по десять, — сказала она. — Только сначала попробуем по объёму. Чтобы не запихивать коленом.

— Коленом у нас ничего не запихивают, — ответила Вера.

— Я на всякий случай. В магазине всякое бывает.

Раиса достала один готовый комплект. Дорожку разложили по длине, проверили сгибы, рядом положили четыре салфетки. Артём взялся помочь и остановился:

— Как складывать? Как первую?

— Да, сами изделия так же, — сказала Раиса. — Только пояс сейчас не нужен.

На верхней полке лежал образец широкой крафтовой полосы, которой оборачивали каждый комплект первой партии. Инна достала его: плотная коричневая бумага держала сложенную ткань, на лицевой стороне оставалось место для магазинной наклейки.

— Вот так было лучше, — сказала Валентина. — Сразу законченная вещь.

Жанна показала фотографию первой сдачи в телефоне. На прилавке стояли два ряда аккуратных пакетов, ткань выглядывала сверху и снизу широких бумажных поясов.

— Для витрины — хорошо. А здесь всю партию берут вместе. Зачем им двадцать бумажек, если можно два мешка?

— Чтобы вид был товарный.

— Вид будет товарный, когда разложат. И за мешки отдельно не с вас. Они в упаковку согласованы.

Зоя провела пальцем по ручке.

— Эти хотя бы обратно пригодятся.

— Для того и делали.

Они попробовали уложить один комплект, проверили ширину и вынули его. Мешок не натягивался, завязки оставались свободными.

Для третьей партии Жанна привезла другие бумажные полосы — узкие, светлые, уже нарезанные по длине. Общую коробку Артём разложил на полу, согнул клапаны, примерил крышку.

— Эти пойдут по предзаказам, — объяснила Жанна. — Будем выдавать по одному, но хранить удобнее в общей коробке. Широкие пояса съедают место и наклейку закрывают. Алла просила попробовать такие.

Она обернула узкой полосой сложенный комплект и придержала концы.

— Не затягивайте, — сказала Инна. — След останется.

— Я только показываю.

Раиса забрала комплект, сняла бумагу и расправила край ладонью. Вера заметила, с какой осторожностью она обращалась с готовым: не любовалась, не поглаживала без надобности, а проверяла, не нарушила ли упаковка то, что уже удалось сделать ровно.

— На коробке что пишем? — спросил Артём.

— Пока ничего, — ответила Жанна. — Составим лист при сдаче. Не надо заранее готовую цифру, потом исправлять.

Он сложил коробку обратно и прислонил к стене. Вера показала место у шкафа, где она могла стоять до седьмого, не мешая другим пользователям комнаты. Бумажные полосы убрали в пакет, образец широкого пояса — обратно на верхнюю полку. Два мешка Раиса повесила на внутренние крючки шкафа.

— Вот здесь готовое и останется до передачи, — сказала Вера. — На столе ничего не ночует. После нас завтра люди с выкройками, им ваши салфетки перекладывать не нужно.

— Понятно, — ответила Раиса. — Я сама уложу и сама проверю.

— И сама сдашь.

— И сама сдам.

Она посмотрела на Веру без раздражения.

— Ты уже третий раз говоришь.

— Значит, теперь запомнила.

— С первого.

Жанна застегнула папку и на ходу сверилась с телефоном.

— Всё, я побежала. Завтра забираю в «Мерке», как решили.

Ей позвонили ещё у двери. Она ответила, придерживая телефон плечом:

— Да, из мастерской Кругловой. Тут всё готовят, по времени договорились.

Вера услышала собственную фамилию, но поправлять вслед не стала. Человек, приехавший за товаром, должен был знать, какую дверь искать.

После ухода Жанны они ещё успели вернуться к Артёмову жакету. На этот раз он поднял коробку без прежней складки у шеи. Вера не разрешила сразу вынимать все булавки: велела сесть, встать и потянуться к верхней полке.

— Теперь я похож на человека, который работает, — сказал он.

— До этого тоже были похожи.

— До этого я был человек с запасной шеей.

Раиса улыбнулась над своим гусем.

К семи Зоя собрала вещи и ушла на смену. Валентина с Инной закрыли общую коробку принадлежностей, договорились, кто понесёт её в следующий раз, и ещё в дверях начали спорить о нужном номере иглы. Артём унёс макет, аккуратно уложив лист с поправками внутрь чехла. У него теперь было что проверить дома, а не просто что перешить по указанию.

Галина осталась закончить запись. Людмила складывала материалы для согласованной работы после занятия; Раиса убрала кружку в полотняный мешочек и подошла к зеркалу со своим пакетом.

Учебный час закончился, но комната была оплачена ещё на время. Вера сняла со стола образцы, освободила край для следующей работы и проверила, не осталось ли булавок в ткани.

На листе Раисы стояли шесть подписанных объёмов. В шкафу висели два пустых мешка. Пока это были двадцать комплектов, которые завтра следовало пересчитать, уложить и передать по документу. Всё было посильно и определённо.

Вера посмотрела на освободившиеся стулья и вдруг захотела, чтобы завтра опять пришли все, даже те, кому незачем было приходить.

Она закрыла тетрадь. Из коридора донёсся голос Валентины, объяснявшей кому-то по телефону:

— У Веры мы. В нашей мастерской. Заказ заканчиваем.

Глава 2. Платье для другого дня

Раиса вышла из-за ширмы, придерживая платье у колен.

— Не смотри пока на низ. Я его только наживила.

— Если не смотреть на низ, зачем ты ко мне вышла?

— На верх посмотри. Сверху я человек, снизу пока заявка.

Галина отложила ручку. Людмила, разбиравшая у другого конца стола стопку дорожек, даже не повернулась, но уголок рта у неё дрогнул.

Платье было из плотной синевато-серой ткани, с короткими рукавами и двумя накладными карманами. Вещь не новая, выстиранная много раз; возле застёжки цвет сохранился темнее. Раиса распорола боковые швы ниже бёдер, оставив широкие припуски, и теперь при каждом шаге между краями появлялись светлые полоски изнанки.

Вера подвинула зеркало.

— Руки опусти. Не надо его держать. Я должна видеть, что оно само делает.

Раиса послушалась.

Спереди платье лежало ровно. Стоило ей повернуться, как поперёк спины натянулась складка. Вера попросила пройти до двери и обратно, потом сесть.

— На стул полностью. Ты сейчас как в автобусе, где место чужой сумкой занято.

— Я боюсь намётку порвать.

— Для этого она и есть.

Раиса села. Низ пополз вверх, над коленями ткань натянулась.

— Вот, — сказала она. — А стоя хорошо.

— Стоять тоже можно по-разному. Достань с полки коробку.

Раиса потянулась к верхнему отделению шкафа, и платье поднялось ещё выше.

Вера подставила ей пустую коробку пониже.

— Не надо на носки. Ты в нём что собираешься делать?

— Работать. Долго на ногах, наклоняться, доставать. Мне бы так, чтобы каждый раз не поправлять.

— Карманы нужны?

— Очень.

— Тогда один опустим. Сейчас, когда садишься, край под ладонь попадает.

Раиса посмотрела на себя сбоку.

— А пошире совсем нельзя? Чтобы уж наверняка.

— Можно. Только за всё цепляться будешь. Давай сначала выпустим то, что есть.

Вера присела на низкий табурет, бережно выставив правую ногу, и отметила мелом новую линию бокового шва. Припуска хватало, чтобы добавить свободы, не вставляя чужой ткани. Ниже колена она предложила оставить короткие разрезы, верх каждого укрепить изнутри.

— Не длинные. Чтобы шаг был, а не чтобы показывать.

— Я и не собиралась показывать. У меня там ничего нового с прошлого лета.

— Тогда не будем отвлекать публику.

Раиса рассмеялась и перестала втягивать живот. Посадка сразу изменилась.

— Вот теперь стой так же, — сказала Вера.

Она переставила две булавки, попросила ещё раз сесть и поднять колено, словно Раиса входила в автобус. На этот раз ткань не остановила движение.

— Так лучше?

— Уже лучше. Даже дошивать жалко, вдруг испорчу.

— Дошивай по линии, которую отметили. Не по той, которая тебе завтра покажется стройнее.

На краю стола лежала рабочая тетрадь. Вера записала: «Р. Левина. Рабочее платье: выпустить боковые швы; разрезы укрепить; правый карман ниже на три сантиметра». Раиса переоделась за ширмой, вынесла платье на сгибе руки и положила в пакет отдельно от остальных вещей.

У ножки зеркала стояла её дорожная сумка — коричневая, с серой тесьмой на ручках. Вера узнала собственный учебный лоскут, которым неделю назад показывала усиление изнутри.

— Сумку доделала?

— Да. Проверь, пока я в неё кирпичи не сложила.

— Зачем тебе кирпичи?

— Для проверки. Вдруг одежда слишком лёгкая окажется.

Раиса поставила сумку на табурет. На верхней части прежде оттягивались места крепления ручек: наружная ткань ещё держалась, а подкладка уже расходилась. Теперь стропа шла ниже, до плотного дна, и с внутренней стороны под неё были подложены широкие полосы. Швы получились не слишком красивые, зато нагрузка больше не приходилась на четыре маленьких прямоугольника.

Вера потянула ручки в разные стороны, осмотрела закрепки.

— Здесь ещё пройди. Не по той же дырке, чуть рядом. И нитку закрепи, хвост оставила.

— Вчера закончилась нижняя. Сегодня привезла.

Внутри сумки Раиса убрала неудобный карман на молнии, пришитый поперёк стенки, и сделала два открытых отделения разной глубины. В одно вошла папка, в другое — свёрнутая кофта.

— Раньше всё на дно проваливалось, — объяснила она. — Пока нужное достанешь, уже и ненужное на улице лежит.

— Только тяжёлое к самому краю не ставь. На бок повалится.

Раиса подняла сумку, прошлась с ней и переложила ручки в другую ладонь.

— Мне главное, чтобы самой нести можно было. А то ручки короткие: либо в руку врезаются, либо локоть не согнёшь.

Вера проверила длину. На плечо сумка не просилась, зато теперь её можно было держать чуть дальше от ноги, не ударяя себя при ходьбе. Она добавила в тетрадь строку о закрепке и внутреннем отделении.

— Больше сюда ничего не пришивай. Ты так её укрепишь, что пустую не поднимешь.

— Всё. Последний карман. Обещаю.

Раиса убрала сумку под стул. На столе уже ждали дорожки, и она сразу потянулась к ним — ещё прежде, чем сложила сантиметровую ленту.

***

Шесть дорожек лежали отдельно от остальных, поперёк стола. Длинные края у них были обработаны, а один короткий конец распорот и подрезан. Рядом Раиса разложила отрезанные полосы: хотела сверить, не перепутала ли что-нибудь.

Людмила взяла верхнюю дорожку и приложила к ней линейку.

— Сколько должно быть в готовом виде?

— Сто сорок.

— Вчера ты говорила: убрать двадцать.

— Так было сто шестьдесят.

— Я спрашиваю не сколько убрать. Я спрашиваю, сколько оставить. Это разные способы ошибиться.

Раиса сняла очки, протёрла одно стекло краем чистой салфетки и снова надела.

— Сто сорок в готовом виде. Сейчас покажу.

Она открыла на телефоне сообщение, пересланное Жанной. Над ним стояла дата — тридцать первое мая.

«По шести дорожкам во вторую партию: покупателю нужны 140 × 40, а не 160 × 40. Состав комплектов без изменений, по четыре салфетки. Подтвердите, пожалуйста, что успеете до отправки».

Ниже был короткий ответ Раисы: «Да, сделаем».

Вера прочла сообщение и отодвинула телефон от утюга.

— Все шесть из этого ряда?

— Все. В воскресенье распорола концы, вчера отмерила. Сегодня закончить.

— Салфетки не менялись?

— Нет, — ответила Раиса. — Я их отдельно связала по четыре. Только завязки разные, не смотрите на цвет.

— На цвет никто и не смотрит, — сказала Людмила. — У тебя на третьей короткая сторона косит.

Раиса повернула дорожку.

— Где?

Людмила прижала один угол пальцем, а другой подтянула к краю стола. Разница была небольшая, но видимая.

— Здесь полсантиметра. Если так подогнёшь, с одной стороны будет сто сорок, с другой — как получится.

— После утюга выправится.

Вера положила ладонь на ткань.

— После утюга станет плоско. Длина от этого одинаковой не будет.

Раиса выдохнула, но спорить не стала. Достала мел.

Галина поднялась со своим блокнотом.

— Я вам мешаю? Мне до автобуса ещё сорок минут, я бы углы посмотрела. У меня на салфетке каждый раз получается подушечка.

— Садись с этой стороны, — сказала Вера. — Только это сейчас работа по заказу, не бери на себя шитьё.

— Я не возьму. Я способ унесу.

Для показа Вера взяла отдельный прямоугольный обрезок. На готовой вещи исправлять за исполнителя она не собиралась. Загнула сначала длинную сторону, потом короткую и раскрыла угол.

— Видишь, откуда толщина? Ты всё, что должно было разойтись по двум сторонам, собираешь в одну точку.

Она показала, как убрать лишнее внутри и сложить угол так, чтобы под лапкой не оказалось нескольких плотных слоёв. Галина зарисовала направление сгиба, потом зачеркнула стрелку.

— Это я уже наоборот нарисовала.

— Хорошо, что ткань ещё не разрезала.

Людмила тем временем выровняла третью дорожку. Раиса отмерила заново обе стороны, сметала подгибку и передала ей. У них получалось работать быстро, почти без слов. Вера помнила такую скорость по участку: одна уже тянулась за следующей деталью, пока другая ещё не положила предыдущую. Только прежде между этими движениями успевали поговорить. Здесь хватало «держи» и «проверь».

На четвёртой дорожке у среза распускался конец старой строчки вдоль длинного края. При укорачивании его перерезали, и Людмила остановила Раису, когда та уже собиралась подвернуть конец.

— Закрепи сначала. Потом не подлезешь.

— Новая строчка прихватит.

— Край до неё распустится.

Вера посмотрела поближе.

— Людмила права. Две строчки тут делают разную работу. Продольная держит длинный край, а новая закроет торец. Старую нужно закончить, прежде чем спрячем её под подгибку.

Раиса повернула ткань под лампу.

— Вижу. Одну нитку выдернула, вторая за ней пошла.

Она закрепила конец старого шва, затем сложила новый край. На образце Вера показала Галине, как поперечная строчка пересечёт прежнюю, и дала потрогать угол.

— Здесь по слоям видно, что сначала обработали длинную сторону, потом короткую. Если делать наоборот, внутри будет иначе.

Галина провела ногтем по сгибу.

— А если распороть и всё перешить?

— Тогда будет видно, что перешили, если следы останутся. Но это уже другая работа. Сейчас тебе нужно научиться не делать узел из ткани.

— Узел из ткани — это я умею.

— Называется «гостеприимный угол», — сказала Раиса, не поднимая головы от машинки. — Всех принял, никого не выпустил.

Галина засмеялась. Людмила протянула ей готовую дорожку.

— Вот такой рисуй. Этот никого не принимает.

Раиса закончила строчку и подняла лапку. В комнате стало слышно, как за окном по железному настилу катили тележку. День ещё не погас; пыльный свет падал на стол под таким углом, что каждая неприбранная нитка отбрасывала тень.

Вера проверила длину двух дорожек, остальные Раиса с Людмилой измерили сами, называя результат вслух. Все шесть расправили, отпарили через проутюжильник и оставили остывать, не складывая сразу горячую ткань.

Галина достала телефон.

— Можно сниму раскладку? В чат отправлю. Там видно, почему нельзя сначала всё сложить, а потом искать угол.

— Только без меня, — сказала Людмила.

— Руки попадут.

— Руки можно. Лицо не надо.

Раиса отодвинула телефон с перепиской и свою папку, чтобы в кадре осталась одна работа.

— Снимай. И общий вид тоже, а то у нас в чате одни крупные планы. Как будто мы шьём только углы.

Вера придержала образец, пока Галина фотографировала последовательность сгибов. Потом та сняла шесть дорожек, разложенных рядом с группами салфеток. Два тканевых мешка ещё висели на внутренней стороне дверцы шкафа.

— В телефоне оставлю, — сказала Галина, проверяя снимки. — В чате мелко получается. Если кому надо будет посмотреть строчку, покажу так.

Раиса пересчитала салфетки, перекладывая по четыре к каждой дорожке. Вера не мешала. После первой проверки всегда хотелось отвернуться и заняться следующим делом, но Раиса шла по всему ряду второй раз, начиная с того же края.

— Двадцать четыре, — сказала она наконец. — И шесть. Эти готовы.

Людмила сняла с пальца напёрсток.

— Четвёртую не прижимай сильно. Там угол ещё тёплый.

— Я знаю.

— Я сказала.

Раиса положила ладонь на четвёртую дорожку, проверила тепло и убрала руку.

Никакого примирения не произошло. Но угол остался лежать открытым, как советовала Людмила.

***

Когда Галина ушла на автобус, а Людмила собрала свои принадлежности, на часах было без пятнадцати девять.

Вера отключила утюг. В комнате стало тише не сразу: в голове ещё продолжалось ровное машинное стрекотание. Она перенесла готовые комплекты в шкаф, оставив между стопками место, чтобы утром их можно было достать, не цепляя соседние. На завтра предстояло только проверить общий счёт и упаковать.

Раиса не уходила. Сначала вытерла за собой стол, потом вынула из плоского пакета ещё одну вещь.

Ткань была зелёная, с мелкими светлыми штрихами, словно кто-то провёл сухой кистью по тёмной поверхности. Платье оставалось без застёжки, левый рукав был вмётан, правый лежал отдельно. На талии висел узкий пояс из той же ткани.

— Это уже не для работы? — спросила Вера.

— Это чтобы меня на работу не приняли по ошибке.

Раиса приложила платье к себе, но в зеркало не посмотрела.

— Хочу понять, рукав оставлять такой или короче. Дома примеряла — всё не то.

— Дома кто смотрел?

— Никто. Сама крутилась. С одной стороны ничего, с другой будто чужое.

Вера подвинула зеркало к свету.

— Давай наденем. Только полноценно сегодня не успеем.

Раиса скрылась за ширмой. Оттуда донеслось шуршание, потом:

— У тебя нет булавки подлиннее? Моя в рот не помещается.

— Изо рта вынь.

— Я ещё не взяла.

— Вот и не бери.

Платье оказалось свободнее, чем выглядело на руках. Юбка расходилась при шаге, пояс можно было завязать сбоку, не стягивая талию. Раиса вышла босиком, встала перед зеркалом и поправила единственный рукав.

— Туфли нужны, — сказала Вера.

— Я понимаю. Но хотя бы так.

Вера сколола разрез под застёжку. Раиса повернулась один раз, второй, и юбка слегка отстала от движения.

— Для танцев? — спросила Вера.

— Может быть.

— Ты же собиралась в парк.

— Собиралась. Только там всё под открытым небом. Если дождь — опять никакого вечера.

Она потрогала пояс.

— Раньше на танцы ходили и не выясняли, будет ли польза. Пришла, постояла, потанцевала. Не понравилось — домой. А теперь, если я платье шью, сразу надо, чтобы на чей-нибудь день рождения. И желательно такое, в котором к столу наклоняться удобно.

— В этом тоже удобно.

— Так я не против наклоняться. Я против весь вечер.

Вера отошла к столу, посмотрела с расстояния. У вмётанного рукава образовался залом, который Раиса пыталась разгладить ладонью. Он возвращался.

— Локоть согни. Теперь руку вперёд.

Раиса сделала, как просили.

— Чуть повернуть рукав надо. Ты втачала по отметке, а рука у тебя просится вперёд.

— У меня руки всегда куда-нибудь просятся. Лишь бы не лежать.

— Рукав не обязан за это отвечать.

Вера убрала две булавки и переставила головку рукава. Залом уменьшился, но не исчез. Для правильной посадки следовало заново наметать, пройтись, проверить с туфлями; до конца времени оставалось меньше десяти минут.

Раиса стояла спокойно. Не втягивала живот, не спрашивала, не полнит ли. Смотрела, как ткань двигается вокруг ног.

— Цвет тебе нравится? — спросила Вера.

— Мне — да.

— А почему так отвечаешь?

— Потому что обычно после этого говорят: «Зато немаркий». Как про чехол на диван.

Вера коснулась ткани.

— Он живой. При повороте светлее.

Раиса посмотрела на неё через зеркало и улыбнулась. В этой улыбке не было благодарности за услугу; Вера вдруг поняла, что сказала ровно то, что сама видела, и этого оказалось довольно.

Ей захотелось закончить рукав сейчас. Отпороть ещё немного, заново приколоть, задержаться на четверть часа, а потом взять домой и пройти строчку на своей машине. Работа была несложная, если не считать того, что домой предстояло принести ещё и чужое платье, а собственное опять убрать со стола.

Вера посмотрела на часы.

— Сегодня дальше не будем.

Раиса повернулась к ней.

— Совсем?

— Совсем. Надо переметать, потом смотреть в движении. Сейчас я начну торопиться.

— Тогда оставлю? Сумка полная, помну.

— Оставь в чехле. На следующую примерку принеси туфли.

— А домой тебе не надо его брать. Я сама переметаю.

Вера уже открыла рот, чтобы объяснить, почему домой не возьмёт, и закрыла.

— Хорошо.

Раиса снова ушла за ширму. Вера приготовила вешалку с широкими плечиками и освободила место в боковом отделении шкафа. Левый рукав оставили в намётке, правый вложили в отдельный прозрачный пакет и прикрепили к вешалке — чтобы не затерялся среди столового белья.

— Не обиделась? — спросила Вера, когда Раиса застёгивала чехол.

Та подняла голову.

— На что?

— Что сегодня не закончили.

— Вер, я сама полчаса с сумкой возилась. Ты мне время обратно не выдашь.

Она аккуратно расправила низ внутри чехла.

— Пусть повисит. Я всё время шью такое, что сразу кому-то нужно. А это может немного подождать.

Вера записала: «Личное платье. Следующая примерка — с обувью; уточнить поворот рукава». Дату пока оставила пустой.

Они убрали стол, проверили пол под машинкой и вышли за две минуты до окончания оплаченного времени. Раиса несла коричневую сумку сама. У двери остановилась, переложила её в другую руку и поправила лямку.

— Не бьёт по колену, — сообщила она.

— Значит, не зря переделывала.

Во дворе ещё было светло. Раиса пошла к воротам, а Вера задержалась, чтобы отдать ключ. Через стекло она видела, как та обошла лужу, не приподнимая сумку и не останавливаясь для перехвата.

***

На следующий день Вера открыла комнату ровно в пять. После чужого занятия на столе лежал один забытый карандаш; она положила его на подоконник, не убирая в свои принадлежности.

Раиса пришла следом. Сначала достала документы, потом вымыла руки у раковины в конце коридора и только после этого открыла шкаф. Людмила принесла оставшиеся готовые комплекты, которые держала дома до общего пересчёта. Их проверили отдельно, прежде чем присоединить к стопкам.

Вера разложила на столе чистую простыню. Втроём они выставили весь второй десяток рядом с первым. Шесть укороченных дорожек лежали ближе к окну, каждая со своими четырьмя салфетками.

— Эти в один мешок? — спросила Людмила.

Раиса сверилась с листом.

— Да. К ним ещё четыре обычных. В другом десять обычных. Я вкладыши подписала.

Вера дала ей линейку. Раиса проверила одну короткую дорожку, потом ещё одну и сложила их по прежним сгибам. Людмила считала салфетки — не стопками, а приподнимая каждую.

Жанна появилась с папкой под мышкой и рулоном прозрачного скотча в руке.

— Коробку сегодня не берём? — спросила она с порога.

— Коробка на седьмое, — ответила Раиса. — Сегодня два мешка.

— Помню. На всякий случай захватила, мало ли что с ручками.

Она поставила папку на свободный край стола, отыскала нужный лист и убрала скотч в сумку.

Пересчёт с её участием начали заново. Раиса называла состав, Жанна отмечала. Дорожка, четыре салфетки; следующая дорожка, ещё четыре. На пятом комплекте Жанна остановилась и отложила телефон, который дважды завибрировал в кармане.

— Сейчас собьюсь. Давайте этот ещё раз.

Никто не торопил. Вера стояла у шкафа, придерживая дверцу, и ловила себя на том, что тоже считает губами.

— Шесть по сто сорок, четырнадцать по сто шестьдесят, — сказала Раиса, когда закончили. — Ширина у всех сорок. Всего двадцать комплектов.

— По изменённому размеру у меня сообщение есть, — ответила Жанна. — Здесь тоже отметим.

В первый мешок уложили шесть комплектов с короткими дорожками и четыре с обычными. Во второй — оставшиеся десять. Бумажные пояса не понадобились: стопки держались ровно, тканевые стенки не давали им разъезжаться. Раиса вложила листки с составом так, чтобы их можно было прочесть сразу после развязывания.

Жанна подняла один мешок, проверяя вес.

— Хорошо. В машину унесу по одному, чтоб не мять.

— Они для повторного использования, — напомнила Раиса. — Не выбрасывайте.

— Да кто же такое выбросит. Вернут — привезу.

Документ они заполнили у окна. Раиса прочла строку с количеством, Жанна вписала дату — третье июня — и расписалась в получении. Вера протянула ей подложку, потому что ручка продавливала тонкую бумагу на шершавом столе.

— А вы где? — спросила Жанна, передвигая лист к ней.

— Я нигде. Вы приняли, Раиса передала.

— Я про линейку. Вы под лист положили, край качается.

Вера вытащила линейку.

— А. Вот.

Раиса отвернулась, скрывая улыбку.

Жанна подписала второй экземпляр, отдала его Раисе и забрала свой. Она не обиделась на ответ Веры, даже не стала его обсуждать. Через минуту уже стояла у двери с первым мешком.

— Второй у входа оставьте, я вернусь. Последнюю партию седьмого, как договаривались. По времени напишу.

Она дважды сходила к машине. Вера не выходила: убирала простыню и проверяла, не осталось ли чего-нибудь под столом. Когда Жанна вернулась закрыть дверь, на полу уже не было ни мешков, ни обрезков ниток.

Комната неожиданно стала просторнее. На полке освободилось место, и Раиса провела по нему ладонью, снимая невидимую пыль.

— Осталось последнее, — сказала она. — Хоть выдохнуть можно.

— Сначала сдать, — отозвалась Людмила.

— Я и говорю: осталось.

Людмила сложила свою линейку в чехол. Спорить им сегодня было уже не о чем.

Вера открыла рабочую тетрадь.

— По сверке девятого определяем время сейчас? Чтобы не искать друг друга после последней сдачи.

Раиса достала телефон, посмотрела календарь.

— Давай в половине шестого. Я к началу приду.

— Мне надо раньше, — сказала Людмила. — После шести не могу.

— Успеем, если все свои записи принесут. Сделанное и выплаты сопоставим. Я подготовлю по каждому.

— Не на словах, — сказала Людмила.

Раиса подняла на неё глаза.

— Я сказала: подготовлю.

Вера написала дату и время, затем повторила:

— Девятое июня, семнадцать тридцать. Это рабочая сверка, не занятие. Остальным я в чат отправлю, а ты подтверди.

— Подтвержу.

Раиса убрала свою копию приёмки в папку. На лице у неё появилась такая открытая радость, что Вера тоже улыбнулась. Большой заказ, несколько недель одинаковой ткани, бесконечные углы, утюг и пересчёт — всё это наконец начало убывать.

У дверцы шкафа Раиса задержалась, поправила чехол с зелёным платьем, чтобы край не попал под петлю.

— Туфли не забыть, — сказала она.

— Я записала.

— Ты записала. А не забыть мне.

Вера оставила тетрадь раскрытой, пока убирала инструменты. Рядом с заметкой о повороте рукава стояли дата и точное время сверки. Для примерки ещё предстояло выбрать час; девятое июня уже было занято.

Она проверила, свободно ли висело платье, и заперла шкаф.

Глава 3. Не пришла

Узкие бумажные пояски всё время уходили наискось. Инна придерживала сложенную дорожку ладонью, пока Артём соединял концы полосы, потом отпускала — и бумага съезжала к краю.

— Не надо её побеждать, — сказала Раиса. — Она должна держать комплект, а не душить.

— Я уже почти не дышу, — ответил Артём.

Он снял поясок, выровнял салфетки и попробовал снова. На этот раз получилось.

Седьмого июня комнату взяли на короткое время: пересчитать последнюю партию, упаковать и передать Жанне. За окном было светло, на подоконнике сохла забытая кем-то кисть. Вера убрала её на блюдце, чтобы не запачкать ткань, и пододвинула общую коробку ближе к столу.

Раиса проверяла каждый комплект перед упаковкой: дорожка, четыре салфетки. После её проверки Инна накладывала бумажную полосу, Артём укладывал готовое в коробку. Людмила сверяла количество со своим листом.

Жанна приехала с папкой и рулоном прозрачной ленты.

— По условиям всё подтвердили? — спросила она у Раисы.

— Да. Как вчера согласовали с Аллой Игоревной.

— У меня тоже есть, — сказала Людмила, не поднимая головы.

Вера не стала расспрашивать. Участницы обсуждали качество и расчёт с магазином сами; её попросили только предоставить время и стол.

— Девятнадцать, — произнесла Людмила. — Последний.

Раиса расправила угол салфетки, попавший под сгиб дорожки, и передала комплект Инне.

Жанна вписала количество в документ.

— Эти по предзаказам пойдут. Только вы покупателям отдельно не пишите, ладно? А то один придёт сюда, другой в магазин, третий решит, что ему домой привезут. Я сама всех оповещу, у меня список выдачи.

— Мне одна женщина в костюмерную звонила, — сказала Валентина. — Спрашивала, где посмотреть.

— Посмотреть — в магазин. Получать тоже через нас. Вы её ко мне направьте.

Это было удобно. Во время первых двух передач Жанна не заставила никого ждать у закрытой двери или везти готовое через город. Она знала, когда у Зои смена, а когда Валентина могла отойти из ДК, и приспосабливала доставку к чужим часам без долгих разговоров.

Раиса прочла оба экземпляра, поставила подпись, забрала свой. Жанна закрыла коробку и прижала клапаны локтем.

— Ленту подайте. Не ножницы, я сама оторву.

— Не оторвёте, — сказала Инна и отрезала ровно столько, сколько было нужно.

Пока Артём помогал Жанне вынести коробку к машине, Раиса собрала нитки со стола. Возле чехла с зелёным платьем лежал небольшой блокнот в тёмно-синей обложке, перетянутый плоской резинкой. Раиса подняла его, подержала в руке и снова положила.

— Вер, можно его здесь оставить? Вместе с платьем.

— Это по заказу?

— Нет, мой. Всё в сумку сейчас не хочу собирать. До следующего раза полежит?

— На полке, не в чехле. Чтобы углом ткань не протёр.

Раиса подвинула блокнот к шкафу.

— Спасибо. В туфлях приду — и всё заберу.

Вера положила его рядом с чехлом, не снимая резинки. На обложке не было ни названия, ни наклейки. Обычная личная вещь, которую хозяйка разрешила убрать.

Когда Жанна вернулась за папкой, стол уже был пуст. Все двадцать комплектов ушли в одной коробке, и больше готового товара в шкафу не осталось.

— Девятого в половине шестого, — напомнила Вера.

— Помню, — сказала Раиса.

Она стояла у двери, придерживая её для Людмилы. Та прошла мимо с линейкой под мышкой, не поблагодарив, но и не отстранившись. Раиса отпустила дверь и ушла следом.

***

Во вторник Вера приготовила на столе только подложки для письма и ручки. Машину оставила под чехлом. После сверки она собиралась пойти домой и заняться собственным макетом пальто: на лоджии со вчерашнего дня лежала бумажная полочка с новым положением кармана. Ей хотелось проверить его в ткани, пока ещё помнилось, почему прежний вариант мешал руке.

Людмила пришла первой и сразу положила перед собой лист.

— До шести, как говорила.

— Я помню.

Валентина и Инна появились вместе. Артём прислал сообщение, что задержится на пять минут: ребёнок не хотел расставаться с ним у двери детского сада. Зоя вошла уже с телефоном у уха, договорила: «Нет, я не на весь вечер», — и села ближе к выходу.

В половине шестого Раисы не было.

Вера открыла чат. Её сообщение с датой и временем стояло на месте, под ним — короткое Раисино: «Да, буду. Записи принесу».

— Может, на шесть запомнила, — сказала Валентина.

— Здесь половина шестого. Она подтвердила.

Вера набрала номер. Телефон сообщил, что абонент недоступен.

Она положила свой аппарат на стол экраном вверх.

— Подождём немного. Могла разрядить.

Инна достала очки, протёрла стёкла и принялась проверять собственные записи. Зоя посмотрела на дверь.

— У неё и вчера не отвечал.

— Ты звонила?

— Хотела спросить, когда остаток будет. Один раз набрала, потом сообщение отправила. Не прочитано.

— Мне тоже не ответила, — сказала Валентина. — Но я поздно писала.

Вера почувствовала раздражение на Раису — ещё обычное, рабочее. Нельзя было собрать людей, попросить принести записи и не предупредить, что задерживаешься. Особенно Людмилу, которая трижды сказала про шесть часов и теперь смотрела не на часы, а на Веру.

Пришёл Артём. Увидев нетронутые листы, он остановился возле стула.

— Не начали?

— Раису ждём.

Он сел и убрал телефон в карман, но через минуту вынул снова.

Жанна вошла без коробок и пакетов, только с рабочей сумкой. Остановилась у края стола.

— Раиса ещё не пришла?

— Не пришла. У вас с ней связь есть? — спросила Вера.

— С утра не могу дозвониться.

— А вчера?

Жанна поставила сумку на подоконник.

— Мне тоже сейчас нужно её найти. У Аллы вопросы по возврату, а у меня ничего не закрыто.

Валентина подняла голову.

— По какому возврату?

— По второй и третьей партиям. Сорок комплектов на переделку возвращены Раисе.

В комнате стало тихо. Снаружи, в коридоре, кто-то протащил по полу длинный предмет; скрежет прошёл вдоль стены и оборвался.

— Сорок? — переспросила Инна. — Все?

— Я говорю то, что у меня по передаче.

— Мы третью позавчера сдали, — сказал Артём. — Вы же забрали.

— Я и не отрицаю.

Вера закрыла тетрадь, чтобы не смотреть на строку «17:30».

— Вы вернули их сюда?

— Нет, с Раисой отдельно договаривались.

— Куда привезли?

— Вера Андреевна, я сейчас всю цепочку с листа не воспроизведу. Надо документы поднять. Приёмка через меня шла, переделка с ней согласовывалась. Вы же сами не хотели в это входить.

Последняя фраза задела именно потому, что была почти правдой. Вера не хотела отвечать за чужой заказ. Но это не означало, что она видела то, чего не видела.

— Я спрашиваю, куда вы отвезли сорок комплектов.

— Уточню по записям. Сейчас главное — Раису найти.

— А деньги? — спросила Зоя.

Жанна повернулась к ней.

— Последние пятьдесят семь тысяч я ей передала.

Зоя медленно положила телефон на стол.

— Нам она ничего не передавала.

— Это уже вам с ней выяснять.

— Так её нет, — сказала Валентина.

До этой минуты отсутствие Раисы занимало один пустой стул. Теперь оно оказалось между каждым человеком и его листом, между сданной работой и деньгами, на которые рассчитывали.

Вера снова набрала номер. Тот же голос повторил прежнее.

— У кого есть телефон дочери?

Валентина нашла его в старой переписке: Дарья когда-то забирала у матери забытый пакет и звонила, чтобы ей открыли дверь корпуса.

Вера представилась. На другом конце ответили не сразу.

— Мама у вас? — спросила Дарья.

— Мы как раз её ждём. У нас сверка назначена. Вы сегодня с ней говорили?

— Нет. А когда вы её видели?

— Седьмого. При сдаче работы.

Дарья что-то сказала в сторону, не в телефон. Послышался мужской голос.

— Мы приедем, — произнесла она. — Подождите нас, пожалуйста. Не уходите.

— Дарья, вы знаете, где она сейчас?

— Если бы знали, я бы не спрашивала.

Связь оборвалась. Вера ещё несколько секунд держала телефон у щеки.

— Что дома? — спросила Инна.

— Сейчас приедут дочь и муж. Дочь не знает, где она.

Людмила собрала свой лист, сложила пополам, потом развернула.

— Я до шести могла. Мне уходить.

Валентина посмотрела на неё с упрёком.

— А что я здесь сделаю? — резко спросила Людмила. — Своё я принесла. Раиса обещала прийти. Я за неё ответить не могу.

Вера кивнула:

— Иди. Если понадобятся твои сведения, позвоним.

После её ухода никто не сел на освободившееся место.

***

Дарья вошла быстро, почти столкнувшись в дверях с Артёмом. За ней появился Виктор Левин, широкоплечий мужчина в лёгкой куртке, застёгнутой до середины. Вера видела его прежде лишь издали, когда он ждал Раису возле корпуса.

Он не стал садиться.

— Когда она отсюда ушла?

Вера назвала седьмое июня и приблизительное время. Не минуту — минуту она не помнила.

— Одна?

— Из комнаты вышла следом за Людмилой. Куда дальше пошла, я не видела.

— Сумка была?

— Обычная. Что в ней — не знаю.

Дарья стояла возле стола и разглядывала чужие листы, словно на них могло быть имя матери.

— Она вам ничего не говорила? Что собирается куда-нибудь?

— Мне — нет.

— Она не могла просто уйти, — сказал Виктор. — У неё дома всё. Дела, семья. Внук. Мы вчера ждали.

— Вы с ней договаривались? — спросила Вера.

— О чём договаривались?

— Что она будет дома к определённому времени.

— Она там живёт.

Дарья потянула расстёгнутую молнию сумки вверх, попала тканью под бегунок и оставила как было.

— Пап, подожди. Вера Андреевна, может, она здесь что-то оставила? Бумаги, записку. Хоть что-нибудь.

— Платье на примерке. И личный блокнот.

— Покажите.

Вера открыла шкаф. Дарья сразу узнала зелёную ткань под прозрачной частью чехла.

— Вот. Она же его не закончила. Я эту ткань с ней покупала. Всё говорила: сначала чужое, потом своё. Как она могла уехать и оставить?

— Примерку перенесли, — сказала Вера. — Не успели по времени. Она сама попросила оставить здесь.

— Но она собиралась вернуться.

— На сверку собиралась. На примерку точного дня мы не назначали.

Дарья провела пальцами по чехлу, не расстёгивая его. Прикосновение получилось осторожным, почти виноватым.

— А блокнот где?

Вера указала на полку. Дарья взяла его и поддела ногтем резинку.

— Не открывайте, — сказала Вера.

Дарья замерла.

— Почему?

— Это её личные записи.

— Я понимаю. Я дочь.

— Она мне не разрешала их читать.

— Вам и не надо. Я сама.

Вера протянула руку, но не стала вырывать блокнот. Дарья держала его обеими ладонями.

— Мама пропала. Вы понимаете? Там может быть адрес. Или имя. Мы вообще ничего не знаем.

Виктор подошёл ближе.

— Дайте ей посмотреть. Сейчас не до этих условностей.

Валентина сидела, прижав сумку к животу. Артём отвернулся к окну. Вера слышала, как Зоя тихо убрала со стола свой телефон: всем вдруг стало неловко быть здесь и невозможно уйти.

— Может быть адрес, — сказала Вера. — А может, то, что она никому не собиралась показывать. Я не знаю.

— Я всю ответственность беру на себя, — ответила Дарья. — Вам никто слова не скажет.

Вера посмотрела на резинку, уже сдвинутую к краю. Достаточно было промолчать, и дальше всё произошло бы без её участия: дочь открыла бы блокнот, отец наклонился над страницей, кто-нибудь прочёл бы вслух непонятное имя. Можно было даже отвернуться.

— Она оставила его мне на хранение, — сказала Вера. — Я не дам его читать без её согласия.

— А если с ней что-то случилось?

От этого вопроса во рту пересохло. Вера не знала ответа. Ей тоже хотелось найти под обложкой простую строчку, которая сразу объяснила бы отсутствие.

— Поэтому я обращусь в полицию. Сегодня. Скажу, что блокнот здесь, и где он лежит. Если он нужен для проверки, пусть решают в установленном порядке. Я ничего скрывать не буду.

— Пока они решат… — начал Виктор.

— Мы ещё не обращались, а вы уже знаете, что они сделают.

Дарья опустила глаза на обложку. Затем поправила резинку и положила блокнот на полку.

— Могли бы просто помочь.

Она сказала это негромко. Вера предпочла бы крик: на него легче было ответить.

— Я пойду сейчас, — произнесла она. — Вы уже заявляли?

— Пока звонили знакомым, — ответила Дарья. — Думали, может, к кому-то зашла. У родственников спрашивали.

— Тогда поедем вместе. Вы о ней больше знаете.

Виктор отвернулся, достал телефон и стал листать контакты. Дарья осталась у открытого шкафа.

— У неё волосы сейчас короче, чем на фотографии, — сказала она вдруг. — У меня хорошая фотография мартовская. Но там длиннее.

— Возьмите и её. Скажите, что изменила причёску.

Вера закрыла шкаф. Ключ не сразу попал в замок; пришлось придержать дверцу второй рукой.

Жанна уже собирала сумку.

— Я в магазин. Алле надо сказать, что сверки не было. Вера Андреевна, вы тоже не уходите от связи, пожалуйста. С товаром и расчётами теперь всё зависло.

— Я буду на связи, когда смогу.

— Люди же ждут.

Вера посмотрела на стол. Люди действительно ждали. Только ни одного ответа, которого они хотели, у неё не было.

Она попросила всех забрать свои записи, проверила комнату и выключила свет. Артём задержался у двери.

— Я могу отвезти?

— Нас Дарья отвезёт. Спасибо.

— Если что надо…

Он не договорил. Вера кивнула, не превращая его предложение в поручение.

***

В дежурной части пахло нагретым пластиком и мокрой тряпкой. За стеклом звонил телефон. Сотрудник закончил разговор, попросил их подождать минуту и открыл чистый бланк.

Вера начала говорить первой, хотя в машине решила предоставить слово Дарье.

— Раиса Михайловна Левина не пришла на назначенную встречу. Телефон недоступен. Родственники её тоже найти не могут.

Сотрудник спросил фамилию Веры, затем уточнил, кем она приходится Раисе.

— Веду занятия, которые она посещает. Знакомы давно, работали на одном швейном участке. Сейчас вместе работаем в одной комнате, но заказ у неё свой.

Объяснение получилось длиннее, чем требовалось. Сотрудник остановил её вопросом:

— Когда вы лично видели её последний раз?

Седьмого июня. В мастерской. При передаче готовой партии.

— А после этого?

— Не видела. Сегодня, девятого, должна была прийти к семнадцати тридцати. Есть сообщение с подтверждением.

Он попросил показать. Вера открыла чат, нашла нужное место. Её собственное объявление выглядел теперь непривычно весёлым: в конце стояло «Не забудьте записи, чтобы не считать на пальцах».

Дарья придвинула телефон со снимком матери. Виктор назвал домашний адрес. Когда его спросили о последнем разговоре с женой, он ответил, что точное время нужно вспомнить.

— Вы думаете, её надо искать? — спросила Дарья. — Не рано ещё?

— Сообщение примем сейчас, — сказал сотрудник. — Ждать несколько дней не требуется. Дальше будут проверять обстоятельства. Фотографию сохраните, понадобится.

Он спрашивал спокойно и подробно: возраст, одежда, приметы, номера телефонов, места, где Раиса могла бывать, кто общался с ней в последние дни. Были ли заболевания, из-за которых ей могла срочно понадобиться помощь. Были ли угрозы.

Вера на медицинские вопросы отвечать не стала.

— Этого я не знаю. На занятии чувствовала себя обычно. По крайней мере, не жаловалась.

Дарья сообщила то, что знала, затем переспросила отца о лекарствах. Он пожал плечами:

— Она сама покупает.

Сотрудник записал ответ без замечаний.

Когда дошли до возможных конфликтов, Вера рассказала о сорванной сверке и о том, что услышала от Жанны. При слове «деньги» Виктор резко повернулся.

— Какие ещё деньги?

— Оплата за заказ, — сказала Вера. — Раиса получила…

Она остановилась.

Сотрудник поднял глаза.

— Получила что?

— Нет. Я неверно сказала. Жанна Селиванова сегодня сообщила, что передала Раисе последние пятьдесят семь тысяч. При передаче я не была. Раиса мне об этом не говорила.

— Кто такая Селиванова?

Вера объяснила и дала номер. Отдельно рассказала про сорок комплектов.

— Они вернулись в вашу мастерскую?

— При мне — нет. Сегодня Жанна сказала, что передала их Раисе на переделку. Места и времени она мне не назвала. Обещала уточнить по документам.

— А вы сами что можете подтвердить?

Вера почувствовала знакомый стыд: снова хотелось представить связный рассказ, хотя связности пока не было. Были её короткий оплаченный час, коробка, дверь, чужие разговоры.

— Третьего июня Жанна забрала двадцать комплектов в двух тканевых мешках. Седьмого — ещё двадцать в коробке. Я присутствовала. Раиса передавала, Жанна принимала. Документы подписывали они.

— Это запишем отдельно.

Никто не предложил выбирать между пропажей человека и деньгами. Сотрудник записал сведения об обоих обстоятельствах, но вопросы задавал раздельно. Вера была благодарна ему за это, хотя он не делал ничего утешительного.

Про блокнот она сказала сама.

— Хранится в моём запирающемся шкафу в мастерской, рядом с платьем. Раиса оставила седьмого, разрешила убрать. Я его не читала. Сегодня дочь взяла, хотела открыть, потом положила обратно. Не листала.

Дарья смотрела в сторону.

— Адрес помещения и ваш телефон укажите, — сказал сотрудник. — Если понадобится, с вами свяжутся. Пока сохраните всё как есть.

Вера назвала часы, в которые могла открыть комнату, затем добавила, что при необходимости договорится о другом времени. Это было обещание конкретного действия, и его она могла выполнить.

В объяснении перед подписью обнаружилась фраза «Левина не вернулась домой». Вера попросила уточнить:

— Я этого сама не знаю. Мне дочь сказала, что её нет и найти не могут. Лучше так и написать.

Сотрудник исправил. Вера прочла ещё раз, медленно, не пропуская строк из-за того, что за спиной ждали другие люди.

Ей выдали подтверждение регистрации обращения. Она убрала его в тетрадь, туда, где стояла назначенная на сегодня сверка.

На улице Дарья задержалась рядом.

— Я всё равно не понимаю про блокнот.

— Я знаю.

— Вы ведь ей не чужая.

Вера не нашла ответа, который не прозвучал бы назидательно. Она и сама ещё чувствовала, как легко было уступить: разрешить одну страницу, потом следующую, лишь бы Дарья больше не смотрела на неё так.

— Если мама позвонит, сразу скажите мне, — попросила Дарья.

— Скажу, что связалась. И в полицию сообщу.

Виктор ждал у машины с открытой дверью. Дарья пошла к нему. Подвезти Веру обратно никто не предложил, и она не стала напоминать.

Она остановилась у края тротуара и достала телефон. В чате уже было несколько сообщений. Артём спрашивал, приняли ли заявление. Инна просила не пересылать посторонним их рабочие листы. Валентина написала: «Раз Раиса деньги получила, надо понять, как теперь нам быть».

Вера набрала ответ: «Заявление принято. Получение денег Раисой я не подтверждала. Об этом сказала Жанна. Кто передавал и кто получал, ещё нужно проверить».

Отправила и отдельно написала, что сегодняшняя сверка не состоялась, нового времени пока нет. На вопросы о дальнейшей работе она ответит завтра.

Телефон сразу зазвонил. Валентина.

Вера посмотрела на экран, потом приняла вызов.

— Я сообщение прочла, — сказала та. — Но ты же понимаешь, мы все у тебя собирались.

— Понимаю.

— И что теперь?

— Сегодня больше ничего не решим. Я иду домой.

На лоджии ждал макет пальто. Вера вспомнила оставленную поперёк полочки линейку, раскрытые ножницы, ткань, которую собиралась разрезать до темноты. Теперь к ней нельзя было подходить с такими руками.

Она дописала в тетради номер обращения, чтобы не искать его потом на отдельном листке. Под записью о сверке осталось немного места. Вера поставила сегодняшнюю дату и коротко отметила: «Раиса не пришла».

Всё остальное пока было со слов других людей.

Глава 4. Аванс целиком

До дома Вера не дошла. У продуктового магазина, куда она свернула за хлебом, позвонила Жанна.

— Алла Игоревна хочет сегодня забрать документы. Она едет в корпус.

— Какие документы?

— По заказу. И поговорить. Я ей сказала, что вас вызвали в полицию.

— Меня не вызывали. Я сама пошла.

Вера стояла перед открытой дверью магазина. Женщина с тележкой попросила пропустить, и пришлось отойти под вывеску.

— Я сейчас не вернусь на сверку, — сказала Вера. — Раисы нет, её записей нет. Мы это уже обсудили.

— Алла не на сверку едет. Она требует деньги.

— У кого?

Жанна помолчала.

— Лучше сами поговорите.

На улице ещё было светло. Вера посмотрела на пакет с хлебом, который держал вышедший из магазина мужчина, и почувствовала нелепую зависть: он уже купил всё, что ему было нужно, и теперь мог идти домой.

— Передайте ей мой номер.

Алла позвонила почти сразу.

— Вера Андреевна, я не могу до завтра ждать. У меня покупатели, у меня магазин. Жанна сказала, вы уже всех распустили.

— Люди не работают у меня в штате. Они пришли на встречу, которая не состоялась.

— Хорошо. Не будем сейчас о словах. Мне нужно получить девяносто тысяч.

Вера сильнее прижала телефон к уху.

— Почему от меня?

— Потому что я заказывала у вашей мастерской. Мы можем встретиться или будем до ночи по телефону?

Можно было предложить утро. Вера уже открыла рот, чтобы так и сказать, но зацепилась за услышанное: «заказывала у вашей мастерской». Эта фраза успела стать основанием денежного требования, пока Вера шла от полиции до продуктового.

— Я открою комнату на сорок минут, — сказала она. — Только чтобы посмотреть, на чём основано требование. Привезите договор и документы, на которые ссылаетесь. Денег я не обещаю.

— Я ничего другого и не прошу. Чтобы посмотрели.

Это было уже не совсем то, что Алла сказала минуту назад.

Вера связалась с человеком, который заведовал почасовой арендой. Комната оставалась свободной, за дополнительное время нужно было заплатить. Она согласилась, пометила сумму в тетради и развернулась к корпусу. Хлеб так и не купила.

У входа её ждали Алла и Жанна. Аллу Вера до этого видела всего несколько раз: при обсуждении заказа и однажды в магазине, куда заходила за косой бейкой. Сейчас та держала под мышкой тонкую папку, а в свободной руке — телефон. Пока Вера отпирала дверь, Алла кому-то говорила:

— Нет, пока не обещайте. Скажите, выясняем. Я перезвоню.

В комнате сохранилось всё, что они оставили после несостоявшейся сверки: придвинутые к столам стулья, пустая чашка у чайника, забытый обрезок бумаги возле ножки. Вера подняла

его и бросила в коробку для отходов. Это простое движение помогло не начинать разговор стоя у двери.

Алла положила папку на стол.

— Я хочу вернуть аванс. Девяносто тысяч рублей. Потом вы между собой решайте, кто кому сколько должен.

— Договор у вас с кем?

— С Левиной. Я помню.

— Деньги ей перечисляли?

— Ей. Но делали-то здесь.

Вера сняла сумку с плеча, достала ключ от шкафа. Прежде чем открыть, отодвинула стул, чтобы дверца не ударилась о спинку. За чехлом зелёного платья темнела полка с блокнотом. Она взяла только папку со своими договорами и сразу заперла шкаф.

— Здесь проводятся занятия. Под заказ Раисы отдельно согласовали хранение и время работы. Вот мои условия.

Алла не села. Она раскрыла папку Веры там, где лежало дополнение, провела глазами по странице и перелистнула.

— Я это читала.

— Тогда где моя обязанность вернуть вам аванс?

— Вы сейчас серьёзно будете прятаться за бумажкой?

Жанна отодвинула чашку от края стола.

— Давайте спокойно. Все устали.

— Я спокойно, — сказала Алла. — У меня первая партия принята. Следующие сорок вернулись на переделку, и теперь ни товара, ни человека. Последние деньги ей выданы. Мне что покупателям говорить?

— Вы возвращение видели?

— Жанна занималась приёмкой. Для того она у меня и работает.

— Я спрашиваю, что видели вы.

Алла наконец села, но папку Веры не отпустила.

— Я видела, как вы показывали образцы. Я видела шесть человек за этим столом. И когда меня спрашивали, где научились так делать, я называла «Мерку». Не «индивидуального предпринимателя Левину с привлечением кого-то ещё». Покупателю это не нужно.

— Образцы для занятия я показывала. Заказ подписывала Раиса.

— Вы считаете, мне легче от этого?

— Нет.

Ответ, видимо, оказался неожиданным. Алла посмотрела на неё пристальнее.

— Мне тоже не легче, — продолжила Вера. — Я не знаю, где Раиса. Сегодня мы с её родными сообщили в полицию. Но девяносто тысяч я не получала.

Алла закрыла Верину папку ладонью.

— Я не говорю, что вы их взяли. Я говорю: разберитесь у себя. Если здесь никто ни за что не отвечает, я больше никого к вам направлять не буду. И когда меня спросят, стоит ли делать заказ, я должна ответить честно.

Вера представила, как это будет звучать в магазине. Не договор, не оговорённые часы и не отдельные исполнители. Просто: «Мы с ними работали, больше не советую».

— Вы вправе нас не рекомендовать, — сказала она. Голос получился суше, чем хотелось. — А требование верните тому, с кем у вас договор. С указанием, за что именно.

Алла вытащила из своей папки несколько листов.

— Поэтому я и приехала. Чтобы вы не сказали потом, будто не знали.

Жанна поставила рядом стул и разложила бумаги. Делала она это привычно и толково: убрала прозрачный файл, который бликовал под лампой, отделила договор от распечаток,

повернула спецификацию к Вере. Ещё неделю назад Вера была бы благодарна ей за избавление от такой возни.

Теперь пришлось самой придвинуть лист ближе.

В договоре от шестого мая значились шестьдесят комплектов: дорожка и четыре салфетки, три партии по двадцать. Общая цена с материалами — сто восемьдесят тысяч рублей.

— Девяносто аванс, — сказала Алла, положив сверху распечатку платежа. — Половина договора. Остальное после сдачи партий. Здесь всё написано.

— Аванс весь ушёл Раисе?

— Да. На её счёт.

— Хорошо. Теперь отдельно: что на него куплено и кому выплачено?

— Вера Андреевна, мне неважно, на что она потратила мои деньги, если я товар не получила.

— Первую партию вы получили.

— Двадцать комплектов. Из шестидесяти.

— Значит, уже нельзя говорить, что не получили товар вообще.

Алла откинулась на спинку. Жанна быстро вставила:

— По материалам у меня есть. Раиса присылала, когда Алла Игоревна просила подтвердить закупку.

Она достала из другого отделения папки копии счёта и документов поставщика. Вера узнала название: его Раиса произносила несколько раз, когда ждала доставку. В графе итога стояло шестьдесят тысяч.

Ткань Вера помнила лучше цифры. Два рулона не проходили на нижнюю полку, их пришлось временно положить поперёк стола; Раиса тогда попросила не снимать упаковку, пока не сверит метраж. Потом были нарезанные дорожки, стопки салфеток, нитки на тёмной юбке Инны. Всё это происходило здесь, при ней.

— Эта ткань поступала, — сказала Вера. — Из неё шили. Но я не сверяла весь расход с этим счётом.

— И я не говорю, что она ничего не купила, — ответила Алла. — Остальные тридцать?

Жанна нашла ещё один лист.

— Первые выплаты. Шесть человек, по пять тысяч.

— С Раисой? — спросила Вера.

— Да. Она ведь тоже шила.

Перед ними лежала копия расчёта, который Раиса направляла в магазин вместе с подтверждением закупки. Шесть строк, внизу — тридцать тысяч. Вера не стала читать вслух имена. У каждого были собственные документы о получении, и сравнивать их сегодня было не с чем.

— Материалы — шестьдесят, первые выплаты — тридцать, — произнесла она. — По этим бумагам аванс распределён. Это ещё надо сверять, но он не лежал у неё целиком в конверте.

— А мне теперь что, ткань забрать? — Алла кивнула на запертый шкаф.

— Готовых комплектов там нет.

— Вот именно.

Вера задержала ладонь на счёте, чтобы лист не скользнул вслед за остальными.

— Их не стало здесь после передачи Жанне. Я была при второй и третьей передаче. Назад я их не видела.

— У нас работа не всегда у вас на глазах, — сказала Жанна.

Не резко. Скорее устало, как говорят человеку, который мешает закончить очевидное дело.

— Я знаю. Поэтому и прошу разделить. Деньги, которые Алла передала вам, деньги, которые вы передали Раисе, и товар, который, по вашим словам, вернулся. Это не один документ.

За дверью послышались шаги. Вошла Валентина, за ней Инна с пакетом из продуктового.

— Нам Жанна написала, что Алла приехала, — сказала Валентина. — Мы недалеко были.

Инна осталась возле двери.

— Я только послушать. Мне домой надо.

Алла подвинула документы к середине стола, будто появление исполнительниц подкрепляло её требование. Но Валентина посмотрела прежде всего на Веру.

— Ну что?

— Пока смотрим бумаги.

— Хоть что-нибудь уже ясно?

— Аванс был девяносто тысяч. На материалы по предъявленным документам — шестьдесят. Ещё тридцать — первые выплаты шестерым. Вы свою получили?

— Пять тысяч? Получила. Потом ещё пять. И всё.

Инна кивнула, но, когда Алла потянулась за телефоном, сразу сказала:

— Меня только не надо никуда записывать.

— Я не записываю. У меня магазин звонит.

Алла отвернулась к окну. Разговор был короткий; Вера услышала «в ящике справа» и «ценник пока не меняй». Магазин продолжал работать, хотя за этим столом уже казалось, что весь день закончился на несостоявшейся сверке.

Жанна вынула сложенный пополам лист.

— Вот расчёт после первой партии. Чтобы было понятно, что это не я придумала. Раиса получила деньги, расписалась. Потом вам раздала.

Вера осторожно расправила сгиб.

«29 мая 2026 года. Получила от Селивановой Жанны 30 000 рублей в счёт оплаты после сдачи первой партии по договору от 6 мая».

Ниже стояли фамилия Раисы и подпись.

Сумма была указана и цифрами, и словами. Лист не выглядел ни торжественным, ни подозрительным — обычная расписка, написанная для обычной передачи денег.

— Тридцать тысяч, двадцать девятое мая, первая партия, — прочла Вера вслух и вернула лист на стол.

— Да, — сказала Жанна. — Алла передала мне, я привезла Раисе. Так мы и работали. Чтобы ей не ездить каждый раз.

— После этого она нам ещё по пять выдала, — подтвердила Валентина. — Я только что сказала.

— Я услышала.

Жанна пригладила сгиб расписки пальцем.

— Вот. Деньги не через воздух ходили. Раиса всё знала, мы по каждому расчёту договаривались.

— На последние пятьдесят семь есть такая же расписка?

Алла вернулась от окна.

— У Жанны сводка.

— Я про получение Раисой.

— Сейчас покажу, — сказала Жанна.

Она достала распечатанную таблицу. Вера сначала увидела общий итог, потом несколько коротких строк. Против двух последних выплат — тридцать тысяч и двадцать семь тысяч — в соседней графе было указано: «Передано Р. М. Левиной». Ниже повторялось: «Окончательный расчёт — 57 000».

— Это вы составляли?

— Я. Для магазина. Я веду приёмку и выдачу.

— Раиса эту сводку видела?

— В таком виде — нет. Это внутренняя.

Вера перевернула лист. Оборот был пустой.

— Отдельного подтверждения от неё нет?

— Нет, — ответила Жанна. — Не взяла я вторую расписку. Мы торопились. Я вообще не думала, что придётся доказывать, кому деньги отдала.

Валентина села.

— Ну, я тоже не каждый раз бумажку беру. Если человек знакомый.

— Бывает, — сказала Вера.

Она сказала это не для утешения. Бывает: деньги пересчитывают на углу стола, убирают в сумку и расходятся. Отсутствующая подпись не могла рассказать, было ли так на этот раз.

Но и строка, которую напечатала Жанна, не могла ответить вместо Раисы.

— Я не говорю, что вы не передавали, — продолжила Вера. — Я говорю, что здесь ваше подтверждение, а не её.

Жанна отвела взгляд к окну.

— А моё уже не считается?

— Считается вашим.

В комнате стало тихо. Инна поменяла пакет из одной руки в другую; внутри хрустнула хлебная упаковка.

Алла положила рядом со сводкой свою ручку.

— Я со своей стороны подтверждаю: обе выплаты Жанна получила. Тридцать тысяч переводом и двадцать семь наличными. Это у меня оформлено.

— Можно будет посмотреть документы?

— Можно. Но я не обязана сейчас приносить сюда всю бухгалтерию.

— Всю не надо.

— И чего вы добиваетесь? — спросила Алла. — У Жанны есть поручение Раисы получать эти деньги. Вы сами его видели.

— Видела. Оно разрешает получить. Я спрашиваю про следующую передачу.

Алла сняла очки, которые надела для бумаг, и положила на раскрытый договор.

— Я выдала деньги человеку, которого уполномочила сама Левина. Дальше они рассчитывались между собой.

Вера кивнула. Именно это она и пыталась услышать отдельно, без возврата, пропажи и названия мастерской. Магазин сообщал, что выдал деньги Жанне. Жанна сообщала, что отдала их Раисе. Между двумя сообщениями не лежало пока ничего, кроме доверия.

— А почему не шестьдесят осталось? — спросила Инна. — По двум партиям.

— Снижение на три тысячи за качество, — ответила Алла. — Согласованное. Не сегодняшнее.

Вера вспомнила разговор при последней упаковке: «Как вчера согласовали с Аллой Игоревной». Раиса сказала это спокойно, Людмила подтвердила, что у неё тоже есть. Тогда Вера не стала расспрашивать.

— Раиса соглашалась? — уточнила она.

— Да. Переписка сохранена. Здесь я никому ничего задним числом не вычитаю.

— Про это мы знали, — сказала Валентина. — Но не про девяносто тысяч обратно.

— Я требую вернуть аванс из-за отсутствующего товара, — отрезала Алла. — А не из-за трёх тысяч.

Снова получалось целое, в котором невозможно было разобрать отдельные части. Вера взяла чистый лист из своей папки.

— Дайте мне записать, что именно вы сегодня предъявили. Я не буду считать это полной сверкой.

Она написала название договора, сумму аванса, счёт на материалы и расчёт первых выплат. Отдельно — расписку от двадцать девятого мая. Потом — сводку Жанны и две последние выплаты со слов Аллы.

— Я могу сфотографировать эти листы? Только по этому заказу.

Алла разрешила. Жанна молча раздвинула документы, чтобы один не закрывал другой. Личное поручение, расписка, таблица — каждый лист Вера сняла отдельно, вместе с краями. И каждый вернула той, кто его принёс.

— Требование к Раисе я всё равно направлю, — сказала Алла, убирая бумаги. — По адресу в договоре. Исчезла она или нет, у меня тоже обязательства.

— Это ваше решение.

— А с вами мне надо понять, продолжаем мы вообще работать или нет.

Вера посмотрела на часы. Согласованные сорок минут почти закончились.

— Сегодня нового сотрудничества я не обсуждаю.

Алла застегнула папку.

— Понятно.

По её тону выходило, что понятно было что-то совсем другое.

Жанна задержалась у двери.

— Если Раиса объявится, сразу скажите. У неё мои звонки тоже не проходят.

— Сообщу, что появилась, — ответила Вера.

— И про деньги напомните. Чтобы не пришлось опять всем собираться.

Вера ничего не пообещала. Жанна поправила ремень сумки и вышла вслед за Аллой.

На лестнице они встретили Зою и Артёма. Дверь ещё не закрылась, и Вера услышала, как Зоя спросила:

— Ну что там?

— Обсудили, — ответила Алла. — Результата пока нет.

Этого оказалось достаточно, чтобы Зоя вошла с лицом человека, которому только что сообщили о потерянной зарплате.

— У меня полчаса до автобуса, — сказала она. — Хоть скажите, что делать.

Артём остался стоять за её стулом.

— Я Валентине позвонил. Она сказала, вы вернулись. Не помешаю?

— Уже нет, — ответила Вера и тут же пожалела о резкости. — Садитесь. Только недолго. Комнату пора закрывать.

Валентина положила обе ладони на стол.

— Вера, так нельзя. Алла сейчас выйдет и всем скажет, что у нас деньги пропали.

— Они и пропали, — сказала Зоя. — Наши-то где?

— Их ещё не все получили, — поправил Артём. — Это пока другое.

— Мне в кошельке от этого не прибавилось.

Инна достала из кармана телефон, проверила время.

— Можно я скажу и уйду? Я работу сделала. Сумму, которую получила, подтвержу. Но мне не нужно, чтобы мои листы по магазинам рассылали. И дома у меня не все обязаны знать, сколько я зарабатываю после работы.

— Никто не собирается, — начала Валентина.

— Уже собираются. Ты в чате написала: «Надо всем выложить, кто сколько взял». Я не буду ничего выкладывать всем.

Вера подняла руку, останавливая ответ Валентины.

— Общую ведомость без согласия не рассылаем. Если у вас есть документы о своей работе и выплатах, сохраните у себя. Понадобится проверка — предоставите туда, куда нужно.

— А нам самим нельзя понять? — спросила Зоя.

— Можно. Каждый сообщает за себя. Не за Раису и не за Жанну.

Артём сел боком, чтобы не теснить Инну.

— Мне вопрос о деньгах кому теперь отправлять? Раисе? Там сообщение даже не доставлено. Магазину? Алла скажет, что всё выдала.

Вера хотела ответить сразу, но не смогла. При Раисе весь этот порядок был понятен: она заключила договоры, приняла объёмы, согласовала цену, распределяла выплаты. Теперь её отсутствие оставило людям не только неоплаченные часы, но и простой бытовой вопрос — кому написать, чтобы получить ответ.

— По вашему договору расчёт с Раисой, — сказала Вера. — Вопрос ей отправьте и сохраните. Я могу передать полиции то, что сегодня показали. Но получить за вас деньги или назначить день выплаты не могу.

— То есть ждать, — сказала Зоя.

— Я другого срока не знаю.

Инна поднялась.

— Мне надо. Вера Андреевна, вы потом напишите, занятие будет или нет. Только про занятие.

Она ушла, аккуратно прикрыв дверь, чтобы та не хлопнула. Вера проводила её взглядом. Ещё недавно Инна спрашивала, сколько ткани купить на жакет, и это был вопрос, на который можно было ответить.

— Название надо защищать, — сказала Валентина. — Мы к тебе пришли. У тебя учились. Нам теперь что, каждому отдельно объяснять, что мы не воры?

— Кто вас назвал ворами?

— Пока никто. А завтра назовут. Вот ты про договор говоришь. Я понимаю. Но если мы сейчас начнём: это не моё, это не ваше, — от «Мерки» ничего не останется.

Вера посмотрела на два сдвинутых стола. Она сама выбрала это название. Сама радовалась, когда Валентина говорила «наша мастерская». Сейчас местоимение вернулось к ней с суммой, которой у комнаты прежде не было.

— Что ты предлагаешь?

— Найти выход. Может, с Аллой договориться частями. Чтобы хотя бы она не разносила по городу.

— Частями кто будет платить?

Валентина отняла ладони от стола.

— Я не бухгалтер. Я говорю, что нельзя просто отойти.

Вера услышала почти готовое собственное обещание: «Я что-нибудь придумаю». Оно могло успокоить всех на сегодняшний вечер. Валентина перестала бы смотреть с обидой, Артём получил бы хотя бы человека, которому задавать вопросы, Зоя успела бы на автобус без этой торопливой злости.

— Я не отошла, — сказала Вера. — Сегодня сообщила о пропаже. Вернулась, чтобы увидеть документы. Сохранила то, что мне разрешили снять. Я передам сведения. Но собирать с вас деньги и обещать Алле девяносто тысяч не буду.

— А за нас кто будет? — спросила Зоя.

— Я могу подтвердить, что вы работали. Что передавали изделия. Не могу подтвердить расчёт, которого не видела.

Артём кивнул, хотя облегчения на его лице не появилось.

— Ладно. Я свои переводы и записи соберу. Не в общий чат. Себе.

Валентина уже не спорила. Это оказалось неприятнее спора. Она смотрела на Веру с ожиданием, будто та ещё могла вернуться к правильному ответу.

Телефон Зои завибрировал на столе. Она прочла сообщение, сдвинула брови и быстро напечатала несколько слов.

— Что? — спросила Валентина.

— С работы.

Зоя перевернула телефон экраном вниз.

— Уже спрашивают. У нас соседняя секция с Аллой общается. Не знаю, кто кому успел сказать.

— Что спрашивают?

Зоя не ответила сразу. Потом снова взяла телефон и показала Вере.

«Это у вас в Мерке женщина с авансом сбежала? Девяносто тысяч? Ты там тоже деньги брала?»

Вера прочла сообщение дважды. В нём не было ни первой принятой партии, ни ткани, ни двух разных передач денег. Не было даже неизвестности, из-за которой они сегодня ездили в полицию.

Зоя убрала телефон.

— Завтра мне туда на смену.

Вера начала складывать свои бумаги. Отдельно лежало подтверждение принятого обращения, отдельно — договор на занятия и хранение. Этот договор оставался таким же ясным, как утром: Вера не получала аванс и не обещала возвращать его за Раису.

Зоя тем временем писала ответ, стирала и снова писала. Бумаги до её завтрашней смены ещё предстояло проверить. Сообщение уже пришло.

Глава 5. Что значит — не могла

Дарья позвонила, когда Вера завтракала. Вчерашний хлеб она всё-таки купила, уже в магазине возле дома, и теперь стряхивала со скатерти крошки от слишком толсто отрезанной корки.

— Вам мама не писала?

— Нет.

— И ночью?

Вера посмотрела на телефон, словно ночью он мог принимать сообщения отдельно от неё.

— Даша, если бы она связалась, я бы сообщила.

— Да. Вы вчера сказали.

В трубке стало тихо. Вера слышала, как где-то рядом с Дарьей льётся вода.

— Придите к нам, пожалуйста.

— Что случилось?

— Ничего нового. В этом и дело. Я её переписку со мной смотрю, там всё обычное. Может, вам она что-нибудь говорила. Папа дома.

Вера отодвинула тарелку.

— У меня утром свои дела. Смогу после одиннадцати, минут на сорок.

— Хорошо. Нам хоть понять. Вы посмотрите, что она оставила…

— Квартиру я осматривать не буду. Поговорить приду.

— Я не в этом смысле.

Но в каком именно, Дарья не объяснила.

После звонка Вера допила чай. На лоджии лежал макет пальто, который она вчера не тронула. Сегодня тоже хотелось пройти мимо: за столом нужно было решать, куда перенести линию кармана, а в голове стояли девяносто тысяч и Зоино сообщение. Вера всё же убрала линейку с ткани, заколола намеченный сгиб и надела макет перед зеркалом. Карман оказался слишком далеко от руки. Она отметила новое место, сняла макет и только потом стала собираться.

До встречи она успела купить иглы и отправить владельцу комнаты оплату за вчерашние дополнительные сорок минут. Маленькая сумма за большой бесполезный разговор. Впрочем, бесполезным он не был: теперь Вера хотя бы знала, какие бумаги стоят за требованием Аллы. Только облегчения это знание не принесло.

У Левиных она прежде не бывала. Дверь открыла Дарья, в домашних тапочках, чужих и немного великих. В прихожей стояла детская обувь, на крючке висела лёгкая куртка с вывернутым рукавом. Дарья придержала дверь и сразу посмотрела на Верины руки.

— Вы ничего не принесли?

— Что?

— Ну… её вещи.

— Они в шкафу. Как и договорились с полицией.

— Я поняла.

На кухне было открыто окно. С улицы доносился ровный стук: в соседнем дворе кто-то выбивал ковёр. На столе рядом с ноутбуком лежали лист бумаги, ручка и зарядное устройство, не подходившее к Дарьиному телефону. Она подняла его, посмотрела на штекер и положила обратно.

— Я вчера здесь ночевала. Всё время кажется, что сейчас откроет дверь. А у меня телефон к двум часам сел. Папин провод не подходит, мамин я не нашла.

— Виктор дома?

— В комнате. Сейчас выйдет.

Дарья подвинула Вере стул, убрала с него детскую кофту.

— Чай будете?

— Воды, пожалуйста.

Она налила воды из фильтра, себе тоже, но пить не стала. На экране ноутбука был открыт их с матерью разговор. Вера отвела глаза. Дарья заметила.

— Это мои сообщения. Я ищу, не пропустила ли чего. И фотографию другую попросили. Где лицо хорошо видно. Вчерашняя за столом, там она боком.

Она увеличила снимок: Раиса стояла на улице, щурясь от солнца, в расстёгнутом плаще. В руках держала смешную кружку с широкой жёлтой ручкой. Вера узнала её — Раиса приносила такую на занятия, завёрнутую в полотенце.

— Эту отправьте. Здесь похожа.

— Я тоже думаю. Только снято осенью.

— Так и напишите.

Дарья сохранила фотографию отдельно. На листе перед ней были телефоны, несколько фамилий и пометка: «Уточнить одежду». Она делала нужную работу аккуратно, без вчерашней поспешности, и от этого выглядела ещё более усталой.

Телефон у неё зазвонил. Дарья взглянула на экран и приняла вызов.

— Да, я заберу. Нет, сегодня сама… После пяти успею. Если задержусь, папа приедет.

Она слушала, прижимая пальцами переносицу.

— Я помню про сменную обувь. Всё, спасибо.

Положив телефон, Дарья сказала:

— Из сада. Мама по средам забирала. Воспитательница спрашивает, почему я не предупредила.

— Вы с мамой на сегодня договаривались?

— У нас среда всегда её.

— А на эту среду?

Дарья открыла рот и закрыла. Потом потянула ноутбук к себе, пролистала сообщения.

— Я ей написала в воскресенье.

Она прочла молча, нахмурилась.

— Написала, что в среду до шести. Она не ответила. Я решила, увидела.

Вера взяла стакан.

— Значит, сейчас надо самой договориться.

— Я уже. — Дарья резче, чем требовалось, закрыла ноутбук. — Я не из-за сада переживаю.

— Я этого не сказала.

— Но получается, будто из-за сада. Вчера я полдня думала, куда ребёнка деть, а потом мне было стыдно. Мама неизвестно где, а я про работу, про сменку…

Вера знала это неприятное соседство страха с мелкими неудобствами. Человек ещё не успевал понять беду, а ему уже требовались хлеб, чистая рубашка, чужая замена на вечер.

— Ребёнка всё равно надо забрать, — сказала она. — Это никуда не девается.

Дарья кивнула и наконец выпила воду.

***

Виктор вошёл с телефоном в руке. На нём была чистая рубашка, застёгнутая не до конца. Он поздоровался, сел, положил телефон возле локтя.

— Ну что, у вас какие новости?

— У меня нет новостей. Даша попросила прийти.

— По деньгам мне уже рассказали.

— Кто?

— Неважно. Город маленький. Она не могла взять и уехать с чужими деньгами.

— Я не говорила, что взяла.

— А у вас там говорят.

— Говорят. Проверять надо.

Виктор качнул головой, будто Вера уклонилась от прямого ответа.

— Рая не такая. У неё дома всё. Дочь, внук. В субботу на дачу собирались, я рассаду отвёз. У неё там огурцы ещё не высажены. В пятницу к сестре моей надо зайти, она после ремонта вещи разбирает, Рая обещала помочь.

Дарья подняла глаза.

— Она не обещала.

— Я с сестрой говорил.

— Ты говорил. Мама сказала, что у неё заказ.

— Заказ уже закончился.

— Это ты так решил.

Виктор повернулся к Вере:

— Вот вы и скажите. Он закончился или нет?

— Из мастерской все партии передали. Девятого была назначена сверка. Раиса не пришла.

— Значит, не всё закончила. Тем более куда ей ехать?

Он произнёс это с такой уверенностью, что Вера на секунду увидела прежнюю, ещё вчера понятную картину: женщина не явилась на встречу, дома её нет, телефон выключен — значит, что-то помешало. Но между «не явилась» и «не могла уехать» оставалось место, которое Виктор заполнял огурцами, сестрой и чужими планами.

— Она говорила, что хочет пожить отдельно? — спросила Вера.

Виктор посмотрел на Дарью.

Та опустила глаза на лист с телефонами.

— Весной было.

— Что было? — спросил он.

— Пап, ну было.

— Разговор был. Мало ли разговоров.

Вера подождала. Дарья взяла ручку, покрутила её между пальцами и положила.

— В апреле она сказала, что устала. Что хочет куда-нибудь устроиться на время и пожить сама.

— Куда-нибудь — это куда? — спросила Вера.

— Не сказала. Я подумала, отдохнуть хочет. У неё тогда и заказов много было, и я просила с ребёнком посидеть. Я сказала: хорошо, майские сами справимся. И мы справились.

— А она что ответила?

Дарья долго смотрела на ручку.

— Что не про майские говорит.

На улице перестали выбивать ковёр. В кухне стало слышно, как тихо гудит холодильник.

— И дальше? — спросила Вера.

— Дальше мы… Не знаю. Я ей сказала, пусть сначала выспится, потом решим.

— Что решим? — Виктор нахмурился. — Мы же нормально жили. Она не жаловалась, что ей здесь плохо.

— Сейчас Даша сказала, о чём Раиса говорила.

— Да на словах можно хоть на Северный полюс собраться. Я ей тогда сказал: хочешь куда-то поехать, давай путёвку посмотрим. Она отказалась.

— Ей одной предлагали?

— А что, я ей помеха?

Вера не ответила сразу. Она пришла не выносить решение о тридцати с лишним годах чужой жизни. Кухня была чистая, занавеска у открытого окна удерживалась зажимом, на подоконнике стояла рассада базилика. Всё это могло значить многое и не отвечало ни на один из сегодняшних вопросов.

— Я не знаю, что между вами было, — сказала она. — Но если Раиса говорила об отъезде, это надо сообщить. Даже если вы не считали, что она поедет.

— Полиции я сказал: ссор не было.

— Разговор об отдельной жизни тоже нужен. Это не обязательно ссора.

Виктор потянул к себе телефон, но экран не включил.

Дарья повернулась к Вере:

— А платье? Она ведь у вас платье оставила. Новое. Сама выбирала ткань, мне фотографию присылала. Хотела рукава нормально посадить. Зачем оставлять, если собираешься уехать?

Вера вспомнила зелёную ткань со светлыми штрихами и пакет с правым рукавом на вешалке. Ещё недавно платье было простой отложенной работой; теперь от него требовали объяснить, куда делась хозяйка.

— Она пришла без туфель. Длину окончательно не выставили. Потом с рукавом задержались, а время комнаты кончалось. Решили примерить позже.

— Девятого?

— Нет. Девятого была сверка. Для примерки час ещё не выбрали.

— Но ведь собиралась же она прийти.

— Собиралась закончить платье. Когда — мы не договорились.

Дарья провела ладонью по закрытому ноутбуку.

— Может, она просто не успела забрать?

— Может. Я знаю только, почему оно осталось у меня.

— Вы теперь думаете, что она сама ушла.

— Я думаю, это возможно. Не знаю, где она сейчас.

Виктор встал, налил себе воды прямо из фильтра и остался возле раковины.

— Вы все так легко говорите — сама. А потом окажется что-нибудь, и кто ответит?

— Я легко не говорю, — сказала Вера.

Он выпил воду и поставил стакан в раковину. Дарья машинально протянула руку, собираясь убрать его, но не встала.

— В блокноте могло быть, — произнесла она.

— Могло, — согласилась Вера. — Я о нём сообщила. Где лежит, тоже сказала.

— И всё?

— Пока меня просили сохранить вещи как есть.

Дарья сжала губы. Сегодня она не стала просить снова.

***

— Она бы хоть написала, — сказала Дарья после паузы. — Не адрес, если не хочет. Хоть что-нибудь. Что уехала, что живая. Нельзя же так.

Виктор отвернулся к окну.

— Написать тоже можно всякое.

Вера посмотрела на него. Дарья уже поднялась со стула.

— Что значит — написала?

— Я не сказал, что написала.

— Папа.

Он помолчал, держась за край подоконника.

— Бумажку оставила. На кухне.

Дарья стояла перед ним так близко, что ему пришлось отступить.

— Какую бумажку?

— Записку. Что уехала сама, хочет отдельно пожить. Чтобы не искал.

Вера поставила стакан на стол. До этого ей казалось, что она хорошо удерживает в уме всё, чего не знает. Теперь выяснилось, что рядом два дня существовал предмет, который близкий человек решил не считать сведением.

— Когда вы её нашли? — спросила она.

— Восьмого. Днём. Пришёл, на столе лежит.

— И вчера не сказали?

Виктор повернулся к ней.

— Я испугался. Сначала думал, вернётся к вечеру. Она могла к кому-то зайти, посидеть, остыть. Потом телефон выключила.

— Ты мне сказал, она ушла и не вернулась, — произнесла Дарья.

— Так и есть.

— Ты не сказал про записку.

— Потому что ты бы тоже зацепилась: сама уехала. А если с ней после этого что-то случилось? В полиции прочитают — и всё, искать не будут.

— Это вам кто-то сказал? — спросила Вера.

— И так понятно.

Дарья отошла от него. Поправила на столе лист, хотя он лежал ровно.

— Я вчера всем звонила. Всем, кого нашла. Спрашивала, не видели ли её, не говорила ли чего. Ты сидел рядом.

— А что мне было делать?

— Сказать.

Он снова взял телефон, положил обратно.

— Я не хотел, чтобы она пропала окончательно.

В этих словах был настоящий страх. Вера услышала его и всё равно не смогла найти мягкую реплику. Вчера Дарья искала на материнской фотографии подходящий ракурс для полиции, Вера защищала закрытый блокнот, а Виктор хранил у себя уже написанный ответ хотя бы на часть вопросов.

— Где записка сейчас?

— В комнате. Я не выбросил.

— Адрес есть?

— Нет. Ничего нет. Только что уехала и поживёт отдельно. Свяжется потом. Ни куда, ни на сколько.

— Дайте её сотруднику, который занимается проверкой.

— Вы сначала посмотрите.

— Мне не надо её забирать. Позвоните сейчас и скажите, что у вас оригинал.

Дарья уже искала номер в телефоне.

— Как его… Белозёров?

— Антон, — сказал Виктор. — Он утром звонил.

Дарья замерла.

— И утром ты не сказал?

— Я хотел сначала с вами поговорить.

— Мы тут второй день разговариваем.

Вера посмотрела на часы. Её сорок минут почти прошли. Уйти именно сейчас значило бы оставить им ещё один повод отложить звонок: сначала успокоиться, потом решить, как объяснить. Она достала свой телефон и открыла запись с номером обращения.

— Скажите, к какому сообщению относится. Номер у меня есть.

Дарья нажала вызов. Включать громкую связь не стала.

— Антон… Здравствуйте. Это Дарья, дочь Раисы Михайловны Левиной. Мы вчера… Да. У папы есть её записка. Он сейчас сказал.

Она слушала, глядя на отца.

— Восьмого нашёл. Я сама ещё не видела. Да, оригинал у него. Пап, возьми.

Виктор принял телефон не сразу.

— Левин… Да. Сохранил. Нет, нигде не публиковал. Я не придал… — Он осёкся, посмотрел на Веру. — Я боялся, что искать перестанут.

Теперь он молчал дольше.

— Привезу. Сейчас могу. Хорошо.

Он отдал телефон дочери, вышел в комнату. Вернулся с белым конвертом без марки. Лист внутри Вера не видела. Виктор прижал конверт ладонью, словно хотел убедиться, что не забыл его содержимое, и убрал во внутренний карман куртки.

— Велел привезти. И объяснить, где нашёл.

— Поедем, — сказала Дарья.

Она закрыла ноутбук, сунула зарядку в сумку, снова вынула — чужую. Потом остановилась посреди кухни.

— У вас есть ещё полчаса? — спросила она Веру. — Не вместо нас. Просто поедете с нами?

Это была другая просьба, не та, с которой Дарья звонила утром.

— До отдела доеду, — ответила Вера. — Потом мне нужно домой.

***

В машине никто не разговаривал. Дарья сидела впереди и несколько раз проверяла телефон. Виктор вёл осторожно, пропуская пешеходов там, где мог проехать до них. Вера смотрела на его затылок и думала, что он, наверное, ждал от жены возвращения и после весеннего разговора, и после записки, и вчера вечером. Не потому, что она обещала вернуться. Потому, что так прежде заканчивалось всё, что нарушало привычный порядок.

В отделе их попросили подождать. На стене висел тот же лист с часами приёма, который Вера читала вчера, пока Дарья искала фотографию. Сегодня у Виктора был конверт. Он вынул его из кармана и держал на коленях обеими руками.

Антон Белозёров вышел через несколько минут. Невысокий, в светлой рубашке с короткими рукавами, с папкой под мышкой. Вера назвала себя; он кивнул — её фамилию уже знал.

— Виктор, пройдёмте со мной. Записку принесли?

Виктор протянул конверт.

— Она там. Я только сложил.

Белозёров принял его.

— Сейчас посмотрим и запишем, при каких обстоятельствах вы её обнаружили.

— Вера Андреевна у нас была, — сказала Дарья. — Когда папа рассказал.

— Раньше я о записке не знала, — уточнила Вера. — Самого листа не видела. Содержание слышала от Виктора.

— Понял. Если потребуется, с вами отдельно свяжусь.

Дарья шагнула следом за отцом.

— Скажите только… Вы всё равно будете её искать?

Белозёров остановился у двери.

— Нам нужно установить, где она и в безопасности ли. Записку проверим вместе с остальными сведениями.

— То есть этого недостаточно?

— Чтобы сказать вам, что с ней сейчас всё в порядке, — недостаточно.

Он не стал их ни пугать, ни успокаивать. Виктор убрал освободившиеся руки в карманы и вошёл в кабинет. Дарья осталась в коридоре.

Вера застегнула сумку.

— Я пойду.

— Если она вам позвонит, скажите, чтобы домой вернулась, — попросила Дарья. — Хотя бы поговорить. Папа ведь…

Она не закончила.

— Я скажу, что вы беспокоитесь. И что нужно связаться с полицией.

— А про домой?

— Я не знаю, почему она уехала. Если уехала.

Дарья прислонилась плечом к стене. Вблизи было видно, как покраснели у неё веки.

— Я тоже не знаю, — сказала она.

Вера оставила её ждать отца.

На улице было тепло, хотя утром обещали дождь. Она не стала сразу доставать телефон. Прошла до сквера и села на край скамейки, оставив правую ногу свободнее. Колено ныло после чужих кухонных стульев и ожидания в коридоре.

Сумка. Рабочее платье. Зелёное платье в шкафу.

Раньше эти вещи не требовали стоять рядом. Одну Раиса укрепляла, потому что неудобно нести; другое переделывала, чтобы свободнее шагать и наклоняться; третье оставила до примерки с туфлями. Теперь Вера вспоминала, с какой настойчивостью та проверяла рабочее платье в движении. Не просто подошла к зеркалу, повернулась и согласилась. Села, встала, потянулась вперёд.

Могла готовиться к дороге. Могла готовиться к работе, о которой дома не хотела снова спорить. Вера почувствовала поспешное облегчение и тут же удержала себя: ни сумка, ни платье не отвечали, где Раиса сейчас. И уж совсем ничего не говорили о пятидесяти семи тысячах.

Она достала тетрадь, раскрыла на записях второго июня. Всё было сделано до исчезновения: не нынешняя догадка, под которую память услужливо подбирала детали. Вера отметила страницы полоской бумаги. Дома снимет их отдельно, без чужих мерок и расходов, и предложит Белозёрову.

На соседнем развороте стояла сверка: девятое июня, семнадцать тридцать. Раиса сама подтвердила время. Эта запись никуда не исчезла оттого, что нашлась другая — оставленная мужу.

Вера закрыла тетрадь. Весной Раиса сказала, что хочет пожить отдельно. Восьмого, по словам Виктора, написала об отъезде. До сегодняшнего утра оба сообщения оставались за пределами поисков, потому что дома их не приняли всерьёз.

Теперь предстояло узнать, что она успела сделать после своих слов. Вера положила тетрадь в сумку и пошла домой за рабочими записями.

Глава 6. Не наше дело вместо вас

На снимке тетрадного разворота чужая мерка оказалась виднее нужной записи. Вера положила поперёк страницы лист бумаги и сняла ещё раз. Теперь в кадре остались дата — второе июня, — Раисино имя и несколько строк о переделках.

Она отправила Белозёрову сообщение с вопросом, нужны ли эти записи. Ответ пришёл, пока она мыла тарелку после наскоро съеденного супа: нужны, и если ей удобно, можно подойти сегодня. Вера посмотрела на часы. До согласованного ремонта машины оставалось два с половиной часа.

В отделе её принял тот же сотрудник, которому недавно Виктор отдал конверт. На столе теперь лежала другая папка. Конверта Вера не увидела.

— Вы сегодня второй раз, — сказал Белозёров, пододвигая стул.

— Первый раз я была за компанию. Сейчас со своим.

Он поднял глаза.

— С тем, что сама знаю, — пояснила она.

Вера положила перед ним две распечатки. Дома принтера не было; по дороге она зашла в копировальную лавку. Девушка за стойкой предложила увеличить почерк, и Вера согласилась. Собственные слова, став крупнее, выглядели почти требовательно.

— Закрытая часть — другие ученики, — сказала она. — Мерки, работа. Тетрадь с собой. Если потребуется проверить страницу целиком, покажу.

— Пока разберём то, что относится к Левиной.

Белозёров уточнил дату, имя, телефон и попросил начать не с сумки.

— Когда вы видели её в последний раз?

— Седьмого июня. В нашей комнате, в швейном корпусе. Закончили передачу третьей партии. Она ушла вслед за Людмилой Костиной.

— Вместе?

Вера уже хотела кивнуть, но остановилась.

— Из комнаты — одна за другой. Куда дальше пошли, не видела.

— Время?

— Короткое рабочее время у нас было оплачено. По нему можно определить промежуток. На часы, когда она выходила, я не смотрела.

Он записал, потом спросил о девятом числе. Вера показала подтверждение сверки в чате. Белозёров прочёл сообщение на её телефоне, уточнил, кто назначил время и кто должен был прийти. Только после этого вернулся к распечаткам.

— Что значит «разгрузить верх»?

— У сумки ручки тянули ткань возле верхнего края. Раиса хотела укрепить крепления, чтобы не вырывало.

— Сумка новая?

— Нет. Дорожная. Я не покупку описывала, а работу с ней.

— Она говорила, куда собирается?

— Мне — нет.

Белозёров провёл пальцем вдоль следующей строки, не касаясь бумаги.

— «Свобода шага. Проверить сидя и с наклоном».

— Это другое. Рабочее платье, серовато-синее, с накладными карманами. Она хотела, чтобы можно было долго ходить, наклоняться. Не просто у зеркала постоять.

— Раньше ей в нём было неудобно?

— Она проверяла его при мне. Я видела, где тянуло. Мы обсуждали, что изменить.

— Для какой работы?

— Не сказала.

— Вы решили, что для новой?

Вера сняла очки. На дужке зацепился короткий волос, она убрала его в ладонь.

— Теперь так думаю. После сегодняшнего разговора у них дома. А второго июня записала только переделки.

— Для дачи такое платье подошло бы?

— Подошло бы. И для уборки. В нём можно полы мыть, можно бельё разбирать. По карманам учреждение не определишь.

Белозёров чуть отодвинул распечатку.

— Тогда укажем: назначение со слов Левиной вам неизвестно.

Вера снова надела очки. Ей на мгновение показалось, что принесённые сведения от этого стали беднее. Она шла с подготовкой к дороге, а на столе остались ручки сумки и свобода шага. Но именно это она и видела.

— Зелёное платье, которое осталось у вас, — не это?

— Нет. Зелёное — для себя. Со светлыми штрихами, другое по крою. Оно в чехле. Левый рукав на намётке, правый отдельно, на той же вешалке. Примерку не закончили: туфель не было, время комнаты кончалось.

— Она собиралась его забрать девятого?

— Мы не назначали примерку на девятое. Тогда была сверка по заказу. Про платье она сказала, что принесёт туфли. Когда — не решили.

Из коридора донёсся короткий спор о том, в какой кабинет идти. Белозёров подождал, пока голоса удалятся, и перевернул лист.

— О записке вы узнали сегодня, десятого июня, у Левиных?

— Да. После одиннадцати я к ним пришла. Точное время разговора не засекала.

— До этого Раиса Михайловна вам о ней не говорила?

— Нет. И саму записку я не читала. Виктор пересказал. Потом при мне звонили сюда, и я видела, как он передал вам конверт.

— Почерк узнать могли бы?

Вера посмотрела на свою увеличенную запись.

— Рабочие подписи её видела. Но сравнивать почерки не умею.

— Понял.

— Вы прочли? Там действительно про отъезд?

— Оригинал у нас. Содержание и обстоятельства появления проверяем. Сейчас важнее установить с ней связь.

— Виктор боится, что вы перестанете искать.

— Я ему объяснил. Записка не сообщает, что происходит с человеком сейчас.

Белозёров спросил о блокноте. Вера описала тёмно-синюю обложку, резинку, место в шкафу. Ключ был у неё, шкаф заперт, с вечера девятого вещи никто не перемещал.

— Вы просили сохранить. Я сохранила.

— Если понадобится осмотр или передача, отдельно с вами свяжемся. Пока не разбирайте.

— Я и не собиралась. Но скрывать его от вас не буду.

Он кивнул и вернулся к объяснению. Вера читала медленно. В строке о сумке стояло: «Подготовка к отъезду».

— Вот это поправьте. Переделка сумки. Подготовкой к отъезду я её назвала только сегодня.

Белозёров исправил. Потом уточнил, что именно она знает о деньгах.

— Сама передачи последних денег не видела. Жанна сказала, что отдала. Алла показала документы магазина, Жанна — свою сводку. Фотографии сделаны с их разрешения. Могу предоставить.

— Предоставьте. И напишите, кто какой документ показывал. По товару тоже: что видели сами, что сообщили вам.

— Всё это сюда?

— Да. Разберёмся по компетенции. Если потребуются объяснения других участников, с ними свяжемся.

Вера подписала страницы. Ей не дали списка людей, которых следовало расспросить, не поручили получить адрес, не попросили посидеть над блокнотом. Она убрала тетрадь в сумку и вдруг почувствовала себя менее занятой, чем рассчитывала.

Снаружи начинался мелкий дождь. До мастерской ещё было время; Вера остановилась под козырьком и нашла номер Сомовой.

— Елена Сергеевна, вам удобно две минуты?

— Да, говорите.

Голос был знакомый, и от этого Вера сразу начала рассказывать больше, чем собиралась: про исчезновение, записку, два последних расчёта. Сомова не перебивала. Вера сама спохватилась.

— Я не за советом, кто виноват. Мне нужно понять, надо ли вам передать сведения о деньгах. Мы ведь уже…

Она не закончила. Получалось, будто прежнее дело было совместной работой, которую теперь можно возобновить.

— Куда вы обратились? — спросила Сомова.

Вера назвала отдел и Белозёрова.

— Правильно обратились. Всё, что относится к этому случаю, передавайте туда. Повторный комплект мне не нужен.

— Я подумала, вы уже знаете, как я записываю. Меньше объяснять.

— Знаю. Но это не основание мне брать чужую проверку. И документы магазина не надо присылать мне для предварительного просмотра.

— Я ещё не посылала.

— Вот и хорошо.

В трубке что-то негромко стукнуло. Сомова помолчала, затем спросила уже мягче:

— О вас самой что-нибудь требуют?

— Девяносто тысяч. Но не по договору. По тому, что все у меня шили.

— Вы это сообщили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.